

Владислава Биличенко

Нисшедший в ад

18+

Владислава Биличенко

Нисшедший в ад

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Биличенко В. Г.

Нисшедший в ад / В. Г. Биличенко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман-мистерия "Нисшедний в ад" - это роман о Боге, об Иисусе Христе, о том, какая у Него была Миссия, почему она не была выполнена и оборвана в самом начале (так как, судя по Евангелиям и Книге пророка Даниила, Иисус Христос не должен был умирать человеческой смертью), кто виновник этой Катастрофы, какую роль сыграли в этом первосвященники, тетрархи, Понтий Пилат, Иуда Искарот и один таинственный человек, который упоминается в легендах о Святом Граале; к каким последствиям это привело в истории человечества; а также о Великом Подвиге Иисуса Христа, который Он совершил между Своей казнью и Своим Воскресением, - нисшествии в ад.

© Биличенко В. Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог. В пустыне	6
Часть первая. «Мир вам!»	10
Глава 1. В ожидании	10
Глава 2. Кана Галилейская	12
Глава 3. Начало	15
Глава 4. Требуется ученики	20
Глава 5. Просто Иисус	27
Глава 6. Учитель	33
Глава 7. Господь	40
Глава 8. За чашею вина	47
Глава 9. «Кто Он?»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

«Иисус сказал: Я – свет, который на всех. Я – всё: всё вышло из Меня и всё вернулось ко Мне. Разруби дерево, Я – там; подними камень, и ты найдешь Меня там».
(Ев. От Фомы. Ст. 81)

«И видел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и воинством Его».
(Откр. св. Иоанна Богослова. Гл. 19, ст. 19)

Пролог. В пустыне

Страшна была пустыня в этот час. Не было теперь над ней той величественной глубины таинственных небес, перед которой поклонялась и она – тихая, безмятежная, задумчивая. Теперь в ней свирепствовал неистовый самум: пески вздымались до самых небес, образуя угрожающе шевелящиеся движущиеся стены и столбы. Она выла в тысячу голосов и стонала в невыносимых муках, готовая zakружить и раздавить в своих объятиях все живое и неживое. И живое, предчувствуя беду, еще днем покинуло ее: ушли крупные звери, а маленькие зарылись глубоко в песок.

Во всей пустыне остался один Человек. Только Он противостоял этой страшной пустыне – и она оказалась перед Ним бессильной.

– Сорок дней и сорок ночей ты испытывал Меня, – негромко произнес Он. – Хотя бы сейчас не таись за другими. Убери своих рабов и явись передо Мною сам. Покажись. Я вызываю тебя.

Но тот, кому Он бросил вызов, не торопился. Пустыня взревела и зарычала в бешенстве, и гул был таким, словно тысячи кровожадных голодных древних ящеров зарычали разом. Стало еще темнее, будто тьма преисподних хлынула на поверхность земли, заливая ее от края до края.

Но вдруг в одно мгновение все стихло. Пустыня умолкла, словно и не было диких ветров и стен из песка, и в пустыню вошла напряженная черно-лиловая ночь. Перед Ним предстал черный исполин, силуэт которого сливался с темным небом. Но Он его видел отчетливо, словно не ночь, а ясный день был в пустыне.

– Ты звал меня? – произнес надменный, очень низкий, рычащий голос. – Я здесь. Как Тебе моя шутка?

– Шутка веселит сердце, – была спокойная отповедь, – наполняет душу радостью и возносит ее над трудностями и бедами. Какая же это шутка – бесноватая пустыня? Лишь издевка, насмешка и надругательство доступны тебе, а они внушают обиду и ненависть и развращают души слабых.

Грохот извержения вулкана потряс пустыню. Это хохотал черный исполин.

– Ты отказываешь мне в остроумии? Но разве Ты остроумен, мой бывший Брат и теперешний Соперник мой? Что вижу я? Ты – и в виде какого-то Иисуса: тут не смеяться, тут плакать хочется. Ты – не во Славе Небесной, а здесь, на земле, уподобился этим червям земным. Принял тело, подверженное болезням, дряхлению и тлению. По ранке на Твоей руке я вижу, что Тебя ужалила змея, и Ты срезал часть плоти Твоей, как это делают они, чтобы выжить. Как, однако, они цепляются за жизнь, хотя в ней уже больше страданий (гораздо больше!), чем Твоей радости. Мне еще не удалось вытравить из них эту любовь к жизни. Но это дело времени. После моей победы они проклянут жизнь и будут мечтать лишь об одном – быть пожранными мной.

– Ты думаешь о своей победе? Надеешься оборвать Мою Миссию?

– А почему бы и нет? – сказал черный исполин, хохоча откровенно, нараспашку. – Но с Тобой ведь нужно говорить не лукавя, не так, как с теми. Хотя Ты и в таком забавном виде, мой ослепительный Брат. Ирод-то Тебя упустил, это правда. Истребил кучу младенцев невинных, а Тебя не нашел, хотя я и подсказывал ему, только он не понял по своей тупости. Но я не в убытке: кровь младенцев меня освежила, придала сил. И оч-чень понравилась. Змея же... пошутила.

– Не змея, – тихо поправил Иисус. – Я узнал одного из твоих слуг – демона пустыни Азазеля. А дикие животные – Мои друзья и братья.

– И все-таки у меня много попыток, а у Тебя лишь одна. Что, если я действительно оборву Твою Миссию? Согласись, я сумел задержать Твой Приход в мир человеков. Религия еди-

нобожия в Египте не удалась: Эхнатон, великий реформатор, остался не понят. А в Персии я задушил государственной идеей светлую многообещающую религию, пророком которой был Зороастр. Еще немного – и религия иудеев стала бы непригодной почвой для Твоей Миссии.

– Да, ты задержал Меня, – ответил Иисус, – и Египет, и Персия не стали Моей родиной и той почвой, на которой прорастет зерно Истины. А оно прорастет! Я уподобился Своим младшим братьям и пришел сюда к ним, чтобы рассказать истину об Отце Моем Небесном. И о тебе... Я пришел уничтожить зло, которое ты сделал, уничтожить болезни и смерть, спасти грешников, которых ты мучаешь в преисподних, и грешников, еще живущих, которых ты готовишь себе на обед. Я пришел защитить праведников, которых в злобе своей ты мучаешь при их жизни на земле, ибо знаешь, что они тебе не достанутся, когда покинут земную юдоль, а станут сильными Божьими воинами. Я пришел вернуть этому миру радость и веселие, установить Мир Любви – Мир Истины – Царствие Отца Моего. Люди узнают, что боль, страдания, болезни и смерть – от тебя. А от Моего Отца – только Благо, Радость и Любовь. Я пришел разрушить *старый закон дряхления, смерти и тления* и установить *новый закон Вечной Молодости и Жизни*.

– Ты думаешь, Тебе удастся это? – рычащий голос черного исполина слегка дрогнул. – Земля семь тысяч раз обошла Солнце с тех пор, как Ты уже приходил к людям и тайно жил среди них как обычный человек в одной из тропических стран. Ты стал тогда для них учителем и даже имел несколько учеников. Ты принес им учение об иных мирах, о светлых Иерархиях, обитающих в этих мирах, видимо, не полагаясь очень на откровения. Да, откровения – весьма двусмысленная вещь. Ибо и я называл себя именем их Бога (то же делали мои рабы) и эти жалкие черви записывали мои слова, полагая, что их Бог грозит им проклятиями и катастрофами, требует кровавых жертвоприношений, дал им в пищу всякую тварь земную, за свою обиду учит их мстить своим врагам многократно. Они стали бояться Бога, Отца Твоего, бояться, как беспощадного огня, как бешеной ядовитой змеи, как землетрясения или потопа, ибо в гневе Своем при малейшем их неповиновении Он обрушится на их головы. Как видишь, я даже более Твоего позаботился об их вере в Отца Твоего. Из страха за жизнь свою они молятся, из страха наказания за грехи свои они режут на жертвенниках молочных ягнят и в религиозном экстазе одним движением руки сворачивают шеи голубям, соблюдая древние законы, они побивают камнями за грехи себе подобных, думая, что так они искореняют самый грех, и жестоко мстят врагам своим. И всем этим служат мне. Боль, болезни и смерть... Но они не знают пока иного и убеждены, что это и есть законы, установленные Богом. Они благоговяют страдания вопреки своему чувству, болезни считают наказанием за грехи, а смерть воспринимают как волю Божью. Люди – не даймоны, среди которых Тебе удалось победоносно завершить Свою Миссию десять тысяч лет тому назад.

– Ты не всё сказал. Вспомни ритуальные кровавые человеческие жертвы в Атлантиде и ритуальное людоедство, приведшие к разгулу демонических сил в культуре атлантов, и силы эти, вызвав грандиозные землетрясения, пробудив спящие вулканы, погубили физически народ Атлантических островов. А избивание младенцев? Ведь это не Ирод упустил Меня, а ты не мог Меня отыскать, чтобы уничтожить Меня как Сына Человеческого, и свирепость Ирода, истребившего тысячи младенцев, – это отражение твоей свирепости, охватившей тебя, когда ты не мог узнать, где Я скрываюсь. Ты – истинный убийца младенцев, а Ирод – твой исполнитель, за что ты его и «отблагодарил» ужасной агонией и жутким посмертием. Ты мешал воцарению Любви на Земле еще с тех пор, когда в этом трехмерном мире планета еще была полурасплавленным шаром, и это затруднило развитие жизни на ней. Что ты сделал с животными? Эти недоразвившиеся человечества – твоя вина. Ты затормозил их развитие, подчинив их гнусному закону выживания: одни стали хищниками, другие – их жертвами. Крайняя демонизация земных гигантов ящеров вызвала мировые катастрофы, и они погибли. Но один вид животных Мы сумели вырвать из твоих лап и развили его в людей. Но, к сожалению, многие животные этого

вида не развились и обратились в обезьян. Люди призваны стать помощниками Богу в просветлении этого мира и в развитии человечеств животных. Ты же власть человека над животными, власть Любви, данную ему от Бога и предполагавшую огромную ответственность за животных, безмерную заботу о них, как о младших братьях, как о детях своих, и великую помощь им в их воспитании и развитии, обратил в повальное убийство животных, открыв человеку сладость вкуса крови и мяса, издевательства над ними, бессовестное пользование. Над насекомыми ты поиздевался еще изобретательней: расплющил их души, и теперь они имеют одну душу на один рой. А растения ты лишил даже свободы передвижения по планете.

Преступления твои велики. Ты внушил страх всем обитателям земли, но и сам ты боишься своих преступлений. А страх – разрушительное чувство.

– Зачем Ты сошел к ним? Ты думаешь, они оценят Твою жертвенную любовь, они поймут Твои речи? Из любви к этим... Ты влез в их тело, как если бы Солнце влезло в сундук. Будь я на Твоем месте, я никогда не согласился бы на такое страдание. Разве они поймут это? Нужно быть, как я, любить только себя, а все остальные должны дрожать и бояться за каждое свое слово, за каждый свой шаг. Они должны слепо повиноваться. Любовью к ним Ты ничего не сделаешь. Их спины привыкли к кнуту, а ласка им подозрительна. Все – и люди, и животные, и растения – любят бичевания и жаждут их.

– Страх – твой разрушитель, – повторил Иисус.

– Ты хочешь, чтобы они признали Тебя, чтобы пошли за Тобой, чтобы поняли Тебя? Что же – помогу Тебе. Забуду, что Ты мой Соперник и вспомню, что Ты Брат мой. Я знаю способ, свободный от страха. У людей много голодных и мало хлеба. Освободи их от вечного страха перед голодом: преврати камни, лежащие под их ногами, в хлебы, и они уверуют, что Ты – Сын Божий и пойдут за Тобою, потому что Ты станешь источником того, что непрерывно нужно человеку.

– И это способ, свободный от страха? А страх того, что прекратятся хлебы? Нет, не хлебом единым жив человек, но каждым словом, исходящим от Бога.

– Даже так!..

Черный исполин распорол огромным черным крылом воздух, и ночь растворилась в солнечном свете. Иисус увидел Себя стоящим на крыле высокого храма, под Его ногами горела золотом под ослепительным полуденным солнцем чешуйчатая крыша. От подножия храма раскинулся солнечный каменный город с роскошными дворцами и маленькими лачугами бедняков, с базарными площадями, обширными подворьями, широкими улицами и кривыми, покосившимися переулками, почти лишенный зелени. Черная тень заслонила солнце.

– Если Ты – Сын Божий, бросься вниз, ибо сказано: «Ангелы понесут Тебя да не преткнешься о камень ногою Твоею». Ты ведь веришь Отцу Своему?

Иисус взглянул вниз, и пропасть сладко поманила Его к себе, но Он ответил:

– А также сказано: «не искушай Господа Бога твоего».

Черный исполин тихо зарычал, и солнечный город провалился во тьму. Наступило молчание. Исполин о чем-то размышлял. Иисус стоял среди притаившейся холодной пустыни и ждал.

– Власть – сладкая вещь, – нарушил наконец молчание черный исполин. – И очень, очень приятная. Но власть должна принадлежать только одному. До сей поры мы делили с Тобой власть: Ты владычествовал на небе, а я у себя в преисподних. Только мир человеков мы с Тобой не поделили.

– Я никогда не делил с тобой власть, – ответил Иисус. – Ты вторгся в земные миры и узурпировал некоторые из них, превратив их в страдалища. И Моя власть есть Любовь, а твоя – тирания и смерть.

– Пусть так, но я хочу предложить Тебе договор.

Черный исполин взмахнул крылом и перед очами Иисуса возник в красочных живых цветах весь мир земной: вспаханные поля, сжигаемые солнцем луга, поляны, долины быстрых и более спокойных рек, леса, города, селения и совсем маленькие деревушки, цветущие сады и моря с бегущими по волнам кораблями и маленькими лодками рыбаков, роскошные дворцы, мрамором, золотом и ценными камнями украшенные залы с расписанными потолками и мозаичными стенами и полами; где-то в подвалах или задних комнатах без окон пылятся тяжелые, наполненные золотом, серебром и самоцветами сундуки, праздные, самодовольные люди в богатых одеждах, тяжелых коронах и царских порфирах. Появилось и тотчас исчезло чье-то искаженное хищной радостью лицо: он радуется своему богатству, пересыпая золотые монеты, любуясь звоном золотых чеканных кружляшек. А вот люди работают в поле, в каменоломнях: мокрая от пота одежда прилипла к их худым телам и по бледным лицам их струится все тот же пот. Женщина в бедной лачуге прикладывает к иссохшей груди ребенка. Реки крови людей, избивающих друг друга в войнах, реки крови людей и животных, льющихся с жертвенников. Кровь, впитывающаяся в землю на задних дворах, где режут к трапезе домашний скот...

... Потом всё смешалось и слилось – и вышли тысячи оборванных, увечных, измученных, растерзанных, убитых, исхудалых; они стоят плечом к плечу, поднимают свои руки к небу, молятся, плачут, кричат о помощи. Их было тысячи и тысячи – с поруганной жизнью, с разорванной и истоптанной душой, с обманутым сердцем, скованные по рукам и ногам цепями невыносимых, незаслуженных мук. Возвышались огромные горы жертв, и с них текла живая горячая кровь людей и животных; странно смешиваясь, она пропитывала Землю от коры до гнездилищ демонов и вливалась в их хищные ненасытные пасти. Страшные, темные, мучительные картины. И всё это – солнечные долины и буйные леса, шумные города и храмы, упавшиеся острыми пиками в небо, тяжелый труд и слезы, кровь и веселие, страдания и боль, войны и беззаботность, богатство и нищета, жадность и жестокость, радость и чернота горя – как в калейдоскопе, промелькнуло перед очами Иисуса.

– Договор таков, – заговорил черный исполин, погасив картины. – Я отказываюсь от этого мира, я не буду больше мешать человеку и твари всякой земной жить. Пусть они живут под Твоей властью. Я уступаю Тебе все эти царства земные, но взамен... Ты поклонись мне и признаешь меня господином Своим.

– Отойди, сатана. Отца Своего Я люблю и лишь Ему поклоняюсь.

Пустыня разверзла свое чрево, и в образовавшийся провал с ревом и проклятиями обрушился черный исполин. Несколько минут еще земля гудела и сотрясалась, принимая в свои недра это черное чудовище. Его рычания, все более и более утихавшие, наконец захлебнулись, совсем заглохли.

И наступил полдень в пустыне. Сразу же после жестокой полночи. Небо раскрылось над Иисусом, и светлые Ангелы в белых сияющих одеждах сошли к Нему, чтобы служить Ему.

Часть первая. «Мир вам!»

Глава 1. В ожидании

Давно уже ждал народ иудейский своего Мессию, приход Которого предсказан многими пророками, о Ком написано в Священном Писании:

«Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову, но последующее возвеличит приморский путь, за-Иорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий... Ты умножишь народ, увеличишь радость его... Младенец родиться нам. Сын дан нам, владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его. Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века.

Приготовьте же путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему... И явится слава Господня, и узрит *всякая плоть* спасение Божие».

Многие слышали об Иоанне Крестителе, видели его и крестились у него на Иордане. Слышали проповедь его и слова его об Идущем вслед за ним, что Тот есть Сын Божий и крестить будет не водою, а Духом Святым. Мессию ждали, и ожидали в скором времени. Но Кто Он – «назорей» [Назорей – тут: избранный. – В.Б.] Божий? Каков из Себя? Вот-вот все увидят Его и услышат Его, вот-вот придет и заявит о Себе Царь Иудейский – всемилостивый и справедливый.

О настоящем Иисусе Христе, Иешуа Мессии, Спасителе Пророке знали пока очень немногие. Знали Мария и Иосиф, знали пастухи, пасшие скот неподалеку от места рождения Иисуса, знали волхвы, приходившие в Вифлеем с востока, чтобы узреть Младенца Спасителя. Знал Иоанн Креститель и ученики его.

Иоанн увидел идущего по берегу Иордана Спасителя и вскричал: «Вот о Ком я говорил. Вот – Сын Божий». Но оба берега реки были о ту пору пустынные, безлюдны. Лишь два ученика Иоанна увидели Спасителя. Иисус вошел в воду и принял крещение водою от Иоанна. И увидел Иоанн, как небо разверзлось над Иисусом и свет небывалый ярким и многоцветным потоком хлынул с небес. И услышал Иоанн Голос, говорящий как бы в сердце его: «Это есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Белый голубь в эту минуту пролетел над головою Иисуса. Иоанн вскрикнул и обернулся к ученикам своим: «Видели ли вы знамение?» Ученики виновато переглянулись. Нет, они не видели голубя, видимо, им не дано еще это было. Увидев их виноватые глаза, Иоанн огорчился. Только ему одному дано было стать свидетелем славы Сына Божьего. Иисус подошел к Иоанну и сказал ему: «Всему час свой. Когда наступит Мое время, тогда все увидят славу Отца Моего».

Но Мария молчала, Иосифа, мужа ее, уже не было в живых; кто знает, где были теперь и живы ли пастухи, свидетели Великого Рождения, сопровождавшегося пением Ангелов, или волхвы, приходившие на поклонение к Младенцу, а Иоанна Крестителя в скором времени арестовали. Новость об аресте застала Иисуса в пути, когда Он возвращался из пустыни, где Он провел сорок дней и сорок ночей, в Галилею. Эта новость ошеломила Иисуса и заставила Его повернуть в Перею, к восточным берегам Мертвого моря, где в крепости Махерон томился Иоанн. Но Он опоздал. Навстречу Ему уже летела весть о казни Иоанна Крестителя и о пропаже его учеников.

Итак, во всем Ханаане о Спасителе, об Единородном Сыне, Сущем в недре Отчем, Которого явил миру Бог, знала пока одна Мария – Его земная мать. Все остальные предавались мечтам и рисовали в своем воображении Его образ и облик, который более отвечал их насущ-

ным желаниям – требованиям царя, потомка Давида, и частному, узкому представлению о справедливости, могуществе, мудрости и царстве.

Глава 2. Кана Галилейская

Море тихо и мелодично шумело, от него веяло свежестью и величавым покоем. В этот день солнце ярко светило, украшая синюю плоть моря серебряными звездами, – отблесками своих Божественных лучей. Иисус сидел на берегу на большом, прохладном еще камне. Он наблюдал, как волна подкатывается к самым Его сандалиям и, нежно коснувшись пальцев Его ног, вновь возвращается в море, оставив по себе на берегу дары, которые она принесла с собою. На смену ей рождалась в море другая волна, за той – третья, четвертая. Они вели себя так же, как и первая, но дары приносили другие: ракушки, камешки, водоросли, а то и какое-нибудь мелкое морское животное осторожно положит у Его ног, и животное смотрело на Иисуса своими загадочными круглыми глазами ласково и доверчиво, но в то же время как будто пыталось разгадать, что за думу думает Спаситель, но следующая волна уносила животное в его родную стихию, оставляя на мокром песке иного гостя. Море, как ласковое доброе дитя, пыталось заигрывать с Ним, чтобы вызвать на Его печальном лице улыбку. И Иисус улыбнулся морю. Он поднял глаза и обозрел его всё, сколько видно, до самого горизонта, где оно граничило с более светлым небом. Это было море Киннереф, или Галилейское море. Но те люди, которые видели моря более широкие и более глубокие, называли его Геннисаретским озером.

Если бы кто из людей находился бы поблизости от Иисуса, он увидел бы, что губы Его шевелятся: улыбаясь, Он рассказывал что-то морю. Но поблизости никого не было. Безлюден был берег, лишь вдали, в серебряном сиянии утреннего солнца, справа от Иисуса, виднелось множество рыбацких лодок, некоторые из них были в море, другие – на берегу, привязанные к колышкам толстыми веревками или прикованные металлическими широкими цепями. В это время – восходящее солнце два часа тому назад сменило свой красный цвет на блистательный золотой и теперь раскалилось до ослепительно-белого – рыбацьи семьи, отцы и старшие сыновья, еще трудились в море: кто оканчивал лов, а кто уже на берегу разбирал сети.

Почему печален был Иисус в это безоблачное утро? Что привело Его в город Капернаум приморский, каменные стены которого виднелись позади Иисуса на зеленых холмах? Что Его привело на этот усеянный камнями берег? Его мысли витали в других местах, где Он был последние семь дней...

Из пустыни Иисус торопился в крепость Махерон к нуждающемуся в Его помощи Иоанну Крестителю, но Он опоздал. Черное дело уже было сделано: молодая жизнь Иоанна, который был старше Иисуса всего на полгода, оборвалась страшным, фантастическим образом – царское слово оказалось важнее человеческой жизни, и царский пир завершился казнью и глумлением. Так закончился великий жизненный путь великого пустытника и Предтечи Его. Для Иисуса горька была эта утрата. Кто был истинным виновником смерти Иоанна и чью волю, не сознавая того, выполнили Иродиана с дочерью и осуществил трусивший и колебавшийся между желанием убить Иоанна и страхом перед народным бунтом Ирод Антипа, Иисус знал. Черный исполн нанес очередной удар.

Медленно, не торопясь, пошел Иисус в Кану Галилейскую, где теперь жила Его земная семья – овдовевшая Мария, Его сводные братья и сестры – дети Иосифа от первой жены, и где Он совершил еще до Своего Крещения на Иордане чудо по просьбе своей земной матери.

Когда Он проходил мимо красивого приморского города, раскинувшегося на зеленых холмах, вдыхающего постоянно морской холодноватый и свежий воздух и называемого Капернаумом, Иисус на несколько секунд остановился, поглядел задумчиво на его каменные стены и тихо улыбнулся. Этот город Он тут же избрал в сердце Своем, отсюда Он пойдет с Благою Вестью – сначала по дорогам Галилеи, потом по всей земле Ханаанской, а затем и по всей Земле, чтобы в конце Своей земной жизни явить Себя всем людям и указать Путь в иные миры

не через смерть плоти, а через преображение своего физического тела. Так начнется великое уничтожение закона смерти.

А до Каны еще оставалось четырнадцать часов пути по еще зеленой холмистой местности. Нужно было идти всё это время за солнцем, которое, словно указывая дорогу, всё дальше и дальше перемещалось на запад. И из нежных осенних солнечных лучей как бы сам по себе соткался образ: грубый, но такой родной пролом в стене. Это дверь в другую полутемную комнату, в которой видна коленапреклоненная женщина; косые солнечные лучи, проникнув в комнату через высокое узкое окно, ласково обнимают молящуюся. О чем молится женщина не слышно, а слышен только треск хвороста в очаге да стук молотка плотника Иосифа, который доносится с улицы. Дивная вещь – память – представляет милую картинку, которая тешит и согревает сердце. Иисус теперь шел к этой женщине, к лучшей из жен, к самой красивой женщине Галилеи. Он знает ее тысячи лет, видел ее парящей среди Ангелов в удивительно прекрасном мире. Там она готовилась к великой миссии – родиться в пятый раз в мире человека, в стране Израиль под именем Мария и стать Его матерью на земле, а Ангелы пели ей чарующие песни, и их пение разливалось радугой из тридцати шести неведомых миру людей цветов от одного края небес до другого...

...Вечером, когда солнце посылало земле последние в этот день золотые лучи, Иисус переступил порог одного дома в Кане Галилейской. В доме было тихо и, как в образе, сотканном из солнечных лучей, хотя это был и другой дом, лишь хворост сладко потрескивал в горящем очаге. Но не слышно было молотка плотника Иосифа! Когда Иисус вошел в комнату, женщина, находившаяся там, тихо вскрикнула, метнулась, упала перед Ним на колени и горячо поцеловала Его руку. Он тоже опустился рядом с ней на колени и поцеловал обе ее маленькие, пахнущие сандалом руки. Затем Он помог ей подняться и слегка отстранил от Себя, как бы говоря: «Дай-ка посмотрю-полюбуюсь на тебя, матушка». Никто не сказал бы, что этой женщине в простой галилейской одежде сорок шесть лет, она была удивительно молода и красива, ибо не властно время над чистыми душой. Сейчас ее большие, по-детски чистые карие глаза светились счастьем, а по нежным щекам бежали слезы радости. «Ты с дороги, Иешуа. Присядь, отдохни, – говорили ее глаза, – я омою Тебе ноги по обычаю. Я знала, что Ты придешь сегодня, Сынок, и поэтому купила дорогого мирро для помазания». Они понимали друг друга без слов. После обычного приветствия Мария засуетилась возле стола, выставляя на него фрукты, овощи, мед, молоко, разбавленное водой вино, сделанное из галилейского винограда, сладко пахнущие свежеспеченные хлебы. Иисус видел по глазам Марии, что она знает, почему Он пришел сегодня, поэтому так и не сказал ей слова: «Матушка, настал Мой час. Мне пора», потому что уже прочитал в ее глазах ответ: «Я знаю, и да прославит Тебя Отец Твой Небесный». Он произнес вслух другое, и это были первые слова, прозвучавшие в тот вечер в доме:

– Как Я люблю капусту!..

Перед Ним на столе стояла посуда, в которой было вкуснейшее блюдо – тушенные в оливковом масле и меде капуста и айвы...

...После вечерней трапезы Иисус вышел один в айвовый садик. Ночь была прекрасной, прохладной и была наполнена заманчивым пением сверчков. И память из этой ночи соткала новый милый образ: огромный айвовый сад в Кане Галилейской, а в нем длинный-предлинный стол и гости за столом. Это свадьба. Брачный пир в Кане Галилейской. Двое молодых, счастливых людей; в этот день они соединили свои жизни, они теперь наверно знают и понимают всем своим существом, какое счастье найти в мире, полном и бед, и горестей близкого родного человека, какое это сокровище, этот другой человек, исполненный Божественной любви. Оба они из бедных семей, и жить им придется трудно, и растить детей будет нелегко. Но что такое трудности, что такое бедность, когда есть счастье, когда они вместе. Мария тогда только что переехала из Назарета в Кану. И приглашена была Мария на свадьбу вместе с другими людьми, живущими в этих бедных, узких кварталах Каны Галилейской. Зван был и Иисус. Пришел Он

порадоваться счастью молодому, ибо любил людей, и радость их, и веселие их. Радовались гости тому, что множится любовь, увеличивается мировая радость.

– Будьте счастливы, дорогие Мои, пусть ваша любовь крепнет с годами, – прошептал Иисус, глядя на светлые образы невесты и жениха, вставшие перед Его мысленным взором в эту тихую безлунную ночь.

Будет – о, будет! – другой Брачный Пир, где Иисус будет Женихом, и соберет Он на этот Пир всех-всех, живущих в мирах Земли. Тогда сочетается Он с женою Своею – Церковью – в неизреченной, святой любви; радостью великой и ликованием наполнятся миры Земли от высот до низин. И тогда начнется другая Земля, приумножению любви и радости на ней не будет конца: долгожданная Дочь, истерзанная и измученная, начнет свое великое лечение, возрождаясь вновь, чтобы блистательной жемчужиной войти в Божественную Вселенную и воссиять в Ней новым светом. И увидят все прекрасную, горячо любимую Дочь Божию и возрадуются ее исцелению.

И вот снова брак в Кане. Встает архитриклин, просит наполнить чаши, он желает что-то сказать молодым. Служители замешкались, но гости за пиром этого не заметили. Заметила Мария, заметил Иисус. Жалко Ему стало молодых и праздник их: ведь по бедности у них не хватило вина для гостей.

– У них вина не хватило, – шепнула Иисусу Мария. Иисус понял ее.

– Не настало еще Мое Время, матушка, – сказал Он, ласково улыбнувшись.

Мария обняла Его руку, прижалась к Его плечу, затем встала из-за стола и подошла к служителям.

– Что Сын мой скажет, то и сделайте, – тихо сказала она им.

Иисус подошел и, указав служителям на шесть каменных водоносов, которые стояли тут по обычаю очищения, сказал им:

– Наполните их водой.

Служители, ни слова не проронив и даже не помыслив задавать какие-либо вопросы, принялись за работу.

– Теперь наполните чашу архитриклина, – сказал Он и вернулся к столу.

Вся работа была проделана точно, быстро, так что никто из гостей не заметил заминки. Архитриклин, получив чашу с вином, пожелал много доброго молодым и, отпив глоток из чаши, подивился и похвалил жениха, что сберег такое превосходное вино доселе. Служители наполняли чаши из водоносов, и все пили новое вино радости, вкусное, освежающее, не одурманивающее голову, а удваивающее силы и веселие.

Радовался Иисус, глядя на собравшихся за этим столом. Он пришел на землю, сошел с Небесных Высот не только для того, конечно же, чтобы превращать воду в вино, но и не только за тем, чтобы помогать людям в их горе, скорбях, страданиях, бедствиях, но помогать и в радости их.

Счастливы люди, чей брачный пир посетит Иисус, но безмерно счастливы те, кого Иисус позовет на Свой Брачный Пир...

...Ранним утром, когда солнце-художник раскрасило небо на востоке в удивительные цвета, Иисус покинул Кану. При прощании с Марией Иисус наконец решил и сообщил ей печальную весть об Иоанне Крестителе, сыне ее двоюродной сестры Елисаветы и священника Захарии, уже давно покойных...

Глава 3. Начало

На следующий день во второй его половине в городские ворота Капернаума вошел одинокий, очень высокий [Судя по Туринской плащанице, рост Иисуса составлял 182 см. – В.Б.] Человек. У Него не было ни посоха, ни сумы, и хотя Он имел вид галилеянина, и одет был как бедный галилеянин, люди, торопившиеся по своим делам, почему-то вдруг задерживали на Нем свой взгляд, а немногие даже останавливались и некоторое время глядели Ему вслед. То, что Человек, явно прибывший из другого города, вошел в Капернаум с пустыми руками, нисколько не удивляло и не интересовало людей, их поражало Его лицо и вся Его фигура. Было в Нем что-то непостижимое и необъяснимое, поражающее с первого взгляда на Него. Он был очень красив – даже для глаз, избалованных красотой, – *очень красив*. Казалось, таким красивым не может быть земное лицо и это останавливало, поражало. Правильное овальное лицо с совершенными чертами, кожа белая, нежная, чуть тронутая легким загаром, Его длинные, до плеч, волосы были не темные, а скорее светлые, мягко сверкающие на солнце, такая же – короткая борода, глаза большие, синие, как весенние веселые цветы в долине, и бездонные, как звездное ночное небо. Знавшие Его и семью Его земную удивлялись тому, что Он ни на кого в семействе не был похож. Малое сходство, и то немногие, находили в Нем с Марией. Из этого вышла впоследствии ужасная, мерзкая сплетня: будто бы Он внебрачный сын римского солдата сирийца Пантера, которого никто никогда не видел. Но не было в Его облике ничего ни римского, ни сирийского, ни иудейского, ни галилейского – Его лицо было настолько идеальным, что его можно было назвать наднациональным, поскольку оно не носило черт какой-нибудь определенной или определенных национальностей. Но главное, это Его взгляд – кроткий, ласковый, исполненный совершенной, глубокой любви к миру, и в то же время – властный и пронизательный. От всего Его лика, от всей Его личности исходила непостижимая, беспредельная живая сила, завораживающая и притягательная, говорившая о том, что Любовь, Жизнь, Истина, Доброта, Красота являются настоящими законными царицами Земли, а всё остальное лишь кошмар, который снится людям, и производящая мгновенное очистительное действие в душах людей, которые услышали свое сердце. Те, кто видели Его впервые и не знали Кто Он, но отличались хоть какой-нибудь душевной восприимчивостью и чуткостью, навсегда запоминали даже мимолетную встречу с Ним. Его облик навечно впечатывался в их души и сердца, и они понять не могли разумом, но предчувствовали всем сердцем своим, что *эта встреча* была самым важным, самым главным в их жизни событием.

Итак, в город Капернаум, названный впоследствии *Его городом*, вошел Иисус. Это был маленький, но шумный городок на северном побережье Галилейского моря, через который пролегали торговые пути с побережья Средиземного моря до Сирии и Малой Азии и который являлся таможней на пути из Кесарии в Дамаск. Капернаум был заселен преимущественно бедным людом – ремесленниками, рыбаками, пастухами, земледельцами, нищими, бродягами, более зажиточными торговцами-перекупщиками. Держали здесь свои лавки не очень богатые греческие купцы. Городок простой, провинциальный, бедность лачуг которого была прикрыта пышностью галилейских садов. Роскошные ореховые, гранатовые, лимонные деревья и смоковницы стояли гордо, величаво, богатые виноградники укрывали целые кварталы от солнца; фермы, раскинувшиеся за стенами города, утопали в зелени смоковниц и оливы; и везде буйные травы и цветы – и на полянах, и на холмах, и у городских стен, и на клумбах возле каждого дома. В воздухе разлился аромат лавра и близкого Геннисаретского озера. Иисус проходил по изломанным улочкам города и по широким его улицам и наблюдал людей, буднично суетившихся в своих хозяйствах. Наконец Он вышел к наполненной народом базарной площади. Здесь люди, жарко торгуясь, покупали себе еду, одежду, посуду, домашний инвентарь. Нищие сидели у какой-то недостроенной, а может быть, уже разрушенной стены, сложенной из круп-

ных камней, каких много разбросано по берегу моря. Среди нищих было много увечных, искалеченных тяжелой работой в богатых поместьях, на стройках в Тивериаде или каменоломнях. Но попадались среди них и мошенники, которые приделывали себе искусно какое-нибудь увечье и этим зарабатывали свой хлеб, но их было мало, и сейчас у этой стены, которая должна была служить, вероятно, оградой, хотя вовсе не понятно чего и от чего, таких было два человека. В основном же жители Капернаума были очень трудолюбивым народом и лишь серьезное увечье могло стать причиной такого занятия. Иисус сразу различил тех двоих, но Его внимание привлек старик, сидящий прямо на земле, вытянувший ноги вперед. Ноги его производили жуткое впечатление и, казалось, что старик сидит сам по себе, а ноги лежат рядом с ним, как что-то чужеродное, отдельное, постороннее, но приставленное зачем-то к его безногому телу.

– Мир тебе, добрый человек, – обратился к нему Иисус, приветствуя его.

– И тебе мир, – бойко ответил дед. – А Ты, видно, не из наших, не из капернаумовских?

– Верно. Я не из капернаумовских, – улыбнулся Иисус.

– Постой-постой, а Ты ведь не из простых, – бойко продолжал дед, радуясь своей пронацательности, – а одежда у Тебя наша, галилейская. Или Ты – переодетый царь? Из какой страны?

– Об этом долго рассказывать, добрый человек. Лучше скажи, что с тобой приключилось? Почему ноги не ходят? – Иисус присел рядом с ним.

– Не ходят, это верно, – вздохнул дед. – Давно это случилось, одиннадцать лет тому назад, когда нашему четвертовластнику Антипе захотелось город большой построить в римском вкусе в честь императора Тиверия. На строительстве деревянная подпорка соскользнула, полетели камни. Вот камнем большим, с котел очаговой величиной, меня и зашибло. Надсмотрщик у нас был строгий и злой, как голодная собака на привязи. Он как увидел, что обе мои ноги повисли, как тряпки, выкинул меня из города, будто я дохлая скотина. А добрые люди подобрали меня и доставили домой. А дома... денег нет. Обучился я тогда фигурки деревянные делать и посуду для кухни. Здесь на базаре и продавал... А теперь глаза не те и руки дрожат, а еще в прошлом году правую руку отнял. Теперь сосед мой помогает мне: каждодневно сюда меня приносит, чтобы я мог свой хлеб есть. И одна надежда у меня – на Бога всемилостивого, что не оставит меня, калеку немощного и убогого в несчастьи моем, как некогда не оставил и помог Он Ионе праведному извергнуться из чрева китова на берег тихий и спокойный.

Иисус улыбнулся.

– И крепко ты веришь в Бога?

– Нам, бедным, без веры в Него никак нельзя – пропадем совсем, – строго ответил старик. – Каждодневно вспоминаю о Нем и молюсь Ему.

– Твои молитвы услышаны, добрый человек. Вера твоя спасла тебя. Встань и иди. – Иисус поднялся, чтобы освободить пространство для старика.

А старик не двигался и широко раскрытыми от удивления глазами глядел на Иисуса.

– Боже всемилостивый, – наконец прошептал пораженный дед. – Кто Ты? Люди добрые, – сказал он тихо, и вдруг вскричал: – Люди добрые, я чувствую свои ноги и руку. Я вижу отчетливо ваши лица, я вижу каждый листочек на дереве, люди добрые-е.

Старик, дрожа от сильного волнения, поднялся на ноги.

– Кто Ты – царский сын или великий врач? – бросился старик к Иисусу. Люди, видевшие это, даже не ахнули, они были поражены. Старика в городе хорошо знали, и знали, что произошло чудо и нет здесь никакого фокуса.

– Да будет мир с тобою, добрый человек, – тихо сказал Иисус и пошел дальше, к другим увечным, которые нуждались в исцелении.

Старик упал на пыльную дорогу, встал на колени и прокричал сквозь вдруг хлынувшие слезы радости:

– До конца дней моих помнить Тебя буду, посланник Божий.

Сосед старика, который пришел чуть позже, чтобы отнести его домой, всплеснул руками:
– Да ты, старик, на свадьбе моей дочки с ней, невестой, плясать будешь.

Тут ему наперебой и стали рассказывать о странном появившемся в Капернауме человеке, по всей видимости, великом заграничном враче. Тот не верил.

– Верь, верь, Исав, – говорил старик, плача и смеясь одновременно. – Смотри на меня. – Старик подпрыгнул и сделал какую-то сложную фигуру ногами. – А теперь, Исав, помнишь ли ты Толмея-сухорукого? – не дожидаясь ответа Исав, он закричал: – Толмей, иди сюда.

Подошел Толмей, он улыбался и всем показывал свою бывшую сухой руку, которую вылепил Исав.

– Вот. Что скажешь? – торжествуя произнес старик.

– Скажу, что я хочу видеть этого врача, – смеялся радостно и Исав-сосед.

Молва о великом враче разнеслась по всему городу. К Исаву подошла какая-то молодая женщина, пробилась сквозь толпу к Нему.

– Приди ко мне в дом. Матерь моя в горячке. Помоги ей.

И Исав идет с нею в дом ее, а следом идут люди, исцеленные и желающие исцелиться, желающие просто видеть великого врача. Встала и мать женщины и захопотала по хозяйству. Исав тем временем исцелял других. Народу набралось много: кто в дом вошел, но многие ждали во дворе и на улице. Принесли расслабленного на его постели, и так как к входу было чрезвычайно трудно пробиться, его через крышу спустили в дом к Исаву.

– Возьми постель свою и иди с Богом, – слышался Его ласковый голос.

– Это Илия, – пробасил шепотом грузный плотник, – Илия-пророк, воскресший из мертвых. Увидел он, что творит четвертовластник. Иоанна-то казнил. Вот Илия и пришел помочь людям.

– Нет, – возразил ему кто-то. – Это сам Иоанн. Он обличитель Антипы, и не мог он оставить всякие безобразия втуне. Смертью не остановить такого, как Иоанн Креститель. Посланный он Божий.

И наступила тихая ночь. Молодая, совсем тонкая луна золотилась на небе. Люди разошлись по домам утешенные и счастливые. На столе накрыт ужин. Слышится из другой комнаты тихое сопение спящих детей. Язык пламени в светильнике кажется неподвижным. Спокойно, уютно, дрова горят в очаге.

– Жаль, мой муж Тебя не увидел, врач добрый, – вздохнула молодая женщина. – Мой муж – Симон Кифа. Видно, отправился он в Тивериаду или Хоразин. Там цена на рыбу выше, чем у нас. Он рыбак. Ты обождать бы его, он вот-вот должен вернуться.

– Я еще приду в Капернаум и обязательно встречу с твоим мужем, – ответил, ласково улыбаясь, Исав...

Ночь окутала землю, завладела ею. Загадочно, безмолвно, ярко горел над уснувшей землей тоненький серп молодой луны и слабый его свет еще не мог осветить той дороги, по которой ранним утром Исав устремится в родной Назарет.

– «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать Лето Господне благоприятное».

Косые золотистые лучи проникали в отворенную дверь синагоги. Лица жителей Назарета белели в полутемном помещении, освещенном лишь неугасимым светильником, пылающим над сундуком, наполненным священными текстами, и были строги, недоверчивы, замкнуты, словно заперты на замок. Исав выглядел немного уставшим, Он свернул книгу и передал ее служителям. Все молчали, в воздухе чувствовалось напряжение. Исав окинул взглядом эти суровые лица, напоминавшие равнодушные двери в негостеприимных домах.

– Ныне исполнилось то, о чем писал пророк Исайя, – прозвучал в тишине голос Иисуса. – Конечно, вы скажете Мне: «Врач! Исцели Самого Себя – сделай и здесь, в Твоем отечестве то, что мы слышали было в Капернауме. Но нет! Я исходил весь Назарет и повсюду встречал лишь недоверие и маловерие. Вы пришли сейчас в дом Бога, Отца нашего Небесного, чтобы просить у него помощи и защиты, и в то же время не веруете в Него. Зачем тогда вы пришли сюда? Чтобы показать друг другу, что вы соблюдаете субботу?»

– Да мы Тебя знаем, – выкрикнул одинокий мужской голос из последних рядов. – Ты – сын плотника покойного Иосифа.

Назаретяне зашевелились и слышались отдельные голоса.

– Верно, сын плотника Иосифа и Марии, Его тут все знают, и братьев Его знаем, и сестер.

– И только поэтому вы Мне не доверяете? – сказал им Иисус. – Я вырос на ваших глазах, и вы думаете, что знаете Меня. Видно, нет пророка в отечестве своем. Ваши глаза смотрят, но не видят. Вы слепцы.

– Ты погоди, – строго вступил в разговор торговец мелким товаром. – Мы о многих чудесах капернаумовских наслышаны, но ведь в Назарете Ты никого не исцелил. Вот глазами-то своими и хотим увидеть, убедиться. А языком трепать каждый может.

– Верно, – закричали вокруг. – Мы требуем, чтобы Ты кого-нибудь исцелил, тогда мы, может быть, и поверим Тебе. А то пришел тут и мученика Исайю читает. Как смеешь Ты даже имя его произносить?

– Разве можно исцелить того, кто не хочет лечиться и научить того, кто не хочет учиться? Вспомните, сколько вдов было в Израиле во дни Илии, когда был большой голод, и ни к одной из них не был послан Илия, а только к вдове в Сарепту Садонскую, сколько прокаженных было в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина.

– Это всё пустые слова. Он морочит нам голову! Выгнать Его вон! – слышались крики. Многие угрожающе размахивали руками.

– Схватить Его да и сбросить с горы, чтобы другим мошенникам не повадно было! – орал кто-то, пытаясь перекричать многоголосый шум.

– Тоже еще – целитель, как будто мы не знаем Его! – кричал другой.

– Как не стыдно играть чувствами людей! Мы ждем настоящего Мессию, Который спасет нас от ига римских властей, а Ты из наших надежд соорудил Себе игрушку! – выкрикнула какая-то женщина.

Дрогнули брови Иисуса, тень боли пробежала по Его лицу. Более не проронив ни слова, Он пошел к выходу. Тишина воцарилась в синагоге. Все молча и неприязненно смотрели на Него, пока Он проходил.

Тоска сдавила Его грудь и одурманила голову. Тоска безысходная, отнимающая надежду. Да, и в Назарете, как и во всем Израиле, ожидали Мессию. Но... «какой же Иисус – Мессия, – рассуждали назаретяне. – Он сын Иосифа и Марии. Знаем Его. На наших глазах рос. Правда, еще отроком отправился Он в земли далекие, но это правильно. Мария и Иосиф живут бедно, и нет ничего удивительного в том, что сын, желая помочь своим родителям, достигнув отроческих лет, отправляется в чужие страны на заработки. И другие так делают. И возвращаются с золотом, со множеством скота всякого, в богатых одеждах и с почестями. Но Иисус, пропадавший где-то шестнадцать лет, вернулся ни с чем: в поношенном хитоне, в изодранных сандалиях Он вошел в город. Видно, не пошли у Него дела в других землях».

– Что же твой Иешуа богатств не нажил в чужеземных царствах? – спрашивали соседки Марию. – Вот потакали Ему много, Он и вырос лентяем.

– Ничего вы не знаете, – тихо отвечала Мария.

Соседки обижались.

– А ты знаешь! – кричали уже они. – Такая же между нами росла, а вышла замуж за плотника и возгордилась. Тоже – красавица нашлась.

Невдомек было назаретянам, что за другими богатствами ходил Иисус в другие страны. За шестнадцать лет Он исходил много дорог на земле, побывал и в Египте, и в Персии, и в Индии, а также сумел побывать в Китае, в стране консервативной и практически закрытой для чужеземцев. Он изучил нравы и духовные знания, живущих там народов, прошел всю их мудрость, чтобы знать, как и о чем говорить с современными людьми, что они знают и чего не знают, их общие настроения и устремления, как более доходчиво объяснить им Тайны Небесные и тайны земные, а также тайны черной ненасытной преисподней, что они поймут и чего не следует им пока говорить, так как они еще не готовы к тому.

А теперь Его одинокая фигура удалялась все дальше и дальше от старых каменных, местами разрушенных стен Назарета, и гнал Его оттуда по узкой пыльной тропинке, извивавшейся меж зеленых солнечных холмов, глухой, жестокий, темный закон, который будет царить на земле, переходя из века в век до тех пор, пока не переродятся люди, не переменятся физически, не заменится природа их, отравленная дьявольским семенем, на Божественную, и который Иисус выразил в пяти словах: «Нет пророка в отечестве своем».

Глава 4. Требуются ученики

Солнце передвинулось вправо и поднялось еще выше, изливая с небесных высот ослепительно-белое золото своих лучей на благословляемый им мир. Как тиха и прекрасна, торжественна и завораживающе радостна волнующаяся зеленовато-синяя плоть моря, усеянная мириадами живых солнечных бликов! Душа наполняется тихим восторгом, детским удивлением и веселием, заражается морской могучей силой. Уходят напряжение и тревога, тают они под благодатным веянием природы. В жарком, нагретом теперь воздухе, освежаемом мягким и трогательно нежным ветерком, пахнет морем и нагретым камнем.

Волна унесла в море вместе с его обитательницей домик любопытной улитки и оставила у сандалий Иисуса маленький, гладкий розоватый камешек взамен. Иисус поднял его и сжал его в Своей теплой ладони. Да, за эти семь дней Он посетил Кану, Капернаум и Назарет. Теперь Он снова у стен Капернаума, но мысли Его неслись дальше, прочь от сверкающего под солнцем моря и уснувших до следующего лова рыбацких лодок на берегу.

Семь тысяч лет тому назад Иисус уже спускался с Небесных Высот к человеку, и облик Его и образ Его жизни были тогда иными, не такими, как теперь. Это была жаркая тропическая страна, расположенная на архипелаге островов, покрытых влажными вечнозелеными лесами, и омываемых водами Индийского океана. Среди высоких кокосовых пальм с саблевидными толстыми стволами, с листьями, похожими на огромные перья диковинной фантастической птицы, среди хлебных деревьев с развесистыми ветвями и крупными желто-оранжевыми плодами жил, трудился и радовался природе красивый, смуглый народ с раскосыми удлинёнными глазами и пухлыми губами жизнелюбов. Это было довольно развитое рабовладельческое государство, а вернее, группа государств. Красивые дворцы, театры, храмы, площади, украшенные каменными и золотыми статуями богов, которые оживали под дыханием живой веры этого народа, – таковы были их города, окруженные часто труднопроходимыми лесами. Развитое мореплавание давало огромную возможность общения этому народу с другими народами, культурному и торговому обмену между ними. Сюда и совершил Свой подготовительный спуск Иисус. Тогда у Него не было такой обширной задачи, которая стояла перед Ним сейчас. Он приходил тогда просто пожить рядом с человеком и как человек, познать вблизи его беды и нужды, и помочь ему приблизиться к Небесным Истинам. Он стал тогда великим учителем и у Него были ученики. И упало семя знаний на почву благодатную и выросло из этого семени прекрасное удивительное растение, рассыпавшее свои семена по всему Древнему Миру, и в каждой из древних стран вырос цветок духовности. Индия, Китай, Египет, Персия, Вавилон восприняли духовную мудрость учения, основанного семь тысяч лет тому назад на архипелаге островов, теперь покоящихся на дне океана, нашим Учителем и Защитником, Великим Духом, Который сидел сейчас на большом обломке гранита на берегу Галилейского моря.

Теперь же задача Иисуса была огромна – дать людям, и уже всему человечеству, обширные и глубокие знания о Божественной Вселенной, раскрыть внутренние, скрытые в астральных телах, способности людей, указать на истинного виновника их страданий, упразднить законы взаимного пожирания, борьбы за существование, насилия и смерти, заменив последний закон законом преображения физического тела и радостного перехода в иные Светлые Миры, указать людям путь следования по ступеням совершенств, превратить человечество в братство, а далее – в Богочеловечество. Исцеление больных и воскрешение мертвых – это лишь начало начал, – помощь людям и наглядная картина того, что боль, болезни, страдания и смерть суть дьяволово вмешательство в Промысел Божий. Иисус научит людей раскрывать в себе органы духовного восприятия и преображать свое физическое тело. Он Сам, дожив в Своей земной жизни до глубокой старости, при этом сохраняя молодость Своего тела, на глазах всего мира изменит Свое тело и вознесется в Небесные Страны, минуя смерть. Да, и теперь нужны уче-

ники, много учеников, которые восприняв новое учение, рассеются по всей Земле, неся Благую Весть Спасения на своих устах. И не останется ни одного уголка Земли не пройденного и ни одного человека непосвященного. Тогда через два-три столетия законы бытия изменятся полностью и настанет Царствие Божие «и на земле, как и на небе», а черный исполин утратит свою власть на Земле раз и навсегда. Так мысленно рисовал Себе перспективу Своей работы Иисус, временами взглядывая на далекую лодку в море с двумя рыбаками в ней.

Черный исполин, предвидя близкий крах своего вампирского существования на Земле, следит теперь за каждым шагом Иисуса в Его земной жизни. Цель черного исполина ясна – умертвить Иисуса. Одна из таких попыток – избиение Иродом маленьких детей. И сколько еще было таких попыток! Иисусу приходилось всегда быть настороже. Он всюду чувствовал его вмешательство. Теперь необходимы ученики. Молодые, выносливые, любящие жизнь в ее прекрасных проявлениях и лучше – из народных низов; именно там были припрятаны до времени от злобного, все уничтожающего взгляда черного исполина многие из будущих учеников Иисуса. Теперь их нужно только собрать.

Иисус еще раз взглянул на лодку двух рыбаков, качающуюся в волнах довольно далеко от берега, улыбнулся и сказал Сам Себе: «Пора!».

В лодке были братья. Один из них был Симон, по прозвищу Камень, халдеи называли его Кифа. Триста с лишком лет тому назад Иудею захватил Александр Македонский, впоследствии, при Селевкидах, она сделалась провинцией греческой Сирии, и греческий язык широко распространился по всей территории Ханаана. Поэтому чаще всего Симона называли по-гречески – Петр. Кто первым его так прозвал и за что, теперь уже доискаться трудно да и неважно это. Кто из нас знает за что, почему и кто дал нам именно такое прозвище, а не другое. Хотя бывают исключения.

А прозвать Симона Петром было за что. Силищей он обладал невероятной; ходила даже легенда о том, что будто бы сам Симон когда-то сказал в развеселой, разогретой хорошим вином компании, что он камни может руками давить и они не на куски развалятся, а сомнутся в его руках, как ветошь. И тут же (это по легенде) продемонстрировал свое мастерство. Было это на самом деле или не было, мы не знаем, но многие верили этой легенде и склонны были думать, что отсюда и происходит это забавное, точное, выразительное прозвище. А как не поверить: сила в Симоне была известная. Не один раз он участвовал в драках, отстаивая таким образом свое видение справедливости да и просто для забавы, не один раз косточки вифсаидских и капернаумовских молодцов испытывали на себе эту могучую силу. И сам он был похож на большущий неотесанный камень, который лежит гордо и одиноко где-то посреди дороги, а вокруг камни поменьше, а то и совсем маленькие камешки попадают, лишь хрустят под подошвами сандалий. Так и он, Симон, – невысокий, широкоплечий с мощными, крепкими, твердыми, как железо, мускулами, с черными и густыми волосами и такую же черною густою бородою, – спокойно, с твердым сознанием своей каменной силы смотрит вокруг на так называемых силачей и не находится соперника ему. Но однажды один прохожий, маленький и худощавый, победил Симона. Симон удивился, оглядел снизу незнакомца, потом захохотал, встал с земли, отряхнул со своей одежды дорожную пыль и, подойдя к незнакомцу, крепко взял того за руку повыше локтя.

– Люблю за ученость, – восхищенно хохотал Симон. – Дай поцелую тебя. Ловко у тебя это выходит. У нас так никто не дерется. Ты все время вертишься, не ухватить тебя. Так только сам покалечишься. Одним словом, восхищаюсь и люблю. – И поцеловал незнакомца в щеку, громко при этом чмокнув.

– Ну и руки у тебя, – сказал в свою очередь тот, улыбаясь и шутливо морщась, так как Симон все еще держал его руку в своей руке, точно боялся, что такой умелец драться убежит от него. – Таким руками только камни давить.

– И не говори! – без излишней скромности подхватил Симон и, внешне легким движением придвинув умельца к себе (и тот, конечно же, позволил такую ласку по отношению к себе), мощным своим голосом прогудел в его ухо: – Хорошо, что без свидетелей. А то из любви к учености раздавил бы я тебя в своих дружеских объятиях, всем твоим костям досталось бы. Молву о себе нужно поддерживать, а то недолго и уважение потерять. – И добродушно засмеялся. Незнакомец тоже засмеялся. Расстались хорошими приятелями.

Но встретился с ним Симон ближе к ночи на улице Вифсаиды.

– Эй, ученый человек, пойдем вина выпьем.

– Рад тебя снова видеть, но вина я не пью, – ответил тот.

– А я не рад тебя видеть, – громким шепотом сказал Симон, – ты же никому не говори, что меня победил. Ты здесь гость, а мне тут законы справедливости устанавливать. – И добавил громко: – Ну если вина не пьешь, так посидим-побеседуем. Не обязательно пить, даже если сидишь в распивочной.

В небольшом доме у Самуила было много гостей. За одним из столов дожидался брата юный Андрей.

– А вот и брат мой, – крикнул Симон прямо в ухо умельца.

– Расскажи, как это ты делаешь. Посмотреть на тебя – с ягненком не справишься, а удар у тебя сильный. Мы здесь более на силу мышц надеемся да на крепость костей: у кого кулак больше, тот и сильный. А у тебя – ученость, – восхищался Симон, попивая вино.

– Это специальный путь, – ответил чужестранный умелец. – Я учился этому с раннего детства, с трех лет.

– Вот это да! – восхищался Симон. – С трех лет! А я-то когда в первый раз морду набил? А, Андрей? Ты помнишь, кому я морду набил?

– Мне, кому же еще, – ответил лениво Андрей.

– Ой, прости меня, брат. Ты обиделся?

– Еще как! – ответил Андрей. – До сих пор думаю, как тебе отомстить.

– Не обижайся, Андрей, – смеясь пробасил Симон и налил вина брату и себе. – Выпей, брат, залей обиду. – Затем он хотел налить и гостю-умельцу, но тот еще раз отказался.

– У вас что же, винограду совсем нет?

– Есть виноград, – улыбнулся умелец, – но мы не пьем вина, мы пьем сок.

– О, сок! – воскликнул Симон и, подозвав Самуила, сказал ему со значением: – Самуил, сока доставь для нашего гостя.

Самуил все понял и принес для иностранного гостя молодого вина. Уверенный в том, что это сок, умелец сделал несколько больших глотков.

– У нас по-другому готовят сок, – сказал он с сомнением.

Симон переглянулся с Андреем.

Когда братья тащили совсем пьяного умельца к себе в дом, Андрей сказал Симону с укоризной:

– Зачем ты опоил молодым вином чужеземного гостя, воспользовавшись его неопытностью в этих делах? Как тебе не совестно, Симон! Теперь неси его. Я сам, – как это ни скрывай, но все-таки под воздействием сложившихся и неумолимых обстоятельств придется признаться, – еле на ногах стою. Так неси же!

– И понесу: он легче ягненка. А опоил его, чтобы он не убежал. Очень интересно мне с ним побеседовать. Пусть расскажет, что за путь такой... Эй, Андрей, что это вы обнявшись улеглись на дороге?

Ранним утром крепкие и привычные к вину братья были свежи и ушли работать в море, а всё еще спавшего умельца оставили на попечении Бога. Он проснулся лишь тогда, когда братья вернулись с уловом из моря. Он выглядел растерянным, слабо пожаловался на сильную головную боль и пробормотал что-то о каком-то нарушении. Симон торжествовал победу:

– Не умеешь пить, умелец. А ведь кричал: «еще вина, еще».

Умелец вдруг закрыл глаза, сделал какие-то непонятные для братьев движения руками, а затем открыл глаза. Взгляд его уже был ясен и спокоен, и румянец проступил на его худых щеках.

– Что я говорил: ученость! – медленно и отдельно произнес Симон, выражая так свое восхищение: – Скажи, что это?

– Я уже говорил: это путь, система, я – ученик Патанджали.

– Ч-чей ученик? – переспросили оба брата.

– Па-ган-джа-ли, – по складам медленно повторил умелец.

– А путь? – беспомощно спросил Симон.

– Путь совершенствования, – умелец улыбнулся, глядя на двух удивленных и растерянных братьев. – Вернее, там не один путь, а целая система путей. Но это в нескольких словах не объяснишь. Этому надо учиться несколько лет, – говорил умелец, затем обернулся к Симону Петру и сказал с улыбкой: – А ты – плут.

Симон кивком головы подтвердил это мнение.

– Но ты тоже плут, – сказал в свою очередь Симон. – Я тебя опоил, а ты мне даже своего имени не сказал. Отказался. Так вот, вина ты не пьешь, а печеную рыбу будешь есть?

– Я могу совсем не есть, – улыбаясь, проговорил умелец.

Не знали тогда братья, что через несколько лет они вновь услышат имя великого индийского пророка, мыслителя и учителя, создателя учения йога Патанджали, но уже от *своего* Учителя.

Умелец уехал в свою страну, и жизнь братьев, молодая, веселая, полная и труда, и приключений, продолжалась по-прежнему. Симон, по прозвищу Камень или по-гречески Петр, как его часто называли приятели и знакомцы, по-прежнему дрался, поддерживая молву о себе и оправдывая свое прозвище.

Торговцы рыбой уважали его, хотя это уважение мало что ему давало, поскольку торговцы не прибавляли за рыбу ни ассария, и платили Симону так же, как и другим рыбакам. Но Симон высоко ценил свое умение вести переговоры с жадными торговцами, и те уверяли его, что заплатили ему несколько больше, чем другим, в знак своего особого расположения к нему, и были чрезвычайно рады, когда он, взяв деньги, уходил от них довольный, никого не прибив. А такие неприятности поначалу с ними случались, но они быстро уяснили урок и стали говорить с Симоном не только вежливо, но и заискивая у него, но всё же ни ассария ему не переплачивали, очень, между прочим, рискуя, но надеясь на нестабильность базарных цен на рыбу и на честность Симона. Кто, как не торговцы, знает, что обмануть честного человека легче всего, ибо честный человек верит на слово, если это слово кажется ему искренним. Но наивны были торговцы, думающие о наивности Симона. Симон отлично знал, что платили ему не больше, чем другим, но и не меньше, что главное. Попробовал бы торговец заплатить меньше! Но Симон делал вид, что верит их заверениям в «особом расположении», видя их трусость и внутренний трепет перед ним, и не трогал их.

– Вот жадность! – усмехаясь говорил Симон Андрею. – Боятся, что снесу им головы, а не переплатят. А других, наверное, еще и обманывают, как меня вначале. Ну, узнаю!.. Пусть только кто из рыбаков скажет, что ему заплатили меньше...

Симон славился не только, как силач, борец за справедливость и прекрасный товарищ, близкие к нему люди знали, как добр, нежен, ласков он был, как трогательно рвалась к прекрасному его душа, а его жена знала, как он умел любить до безумия и что его каменные руки самые нежные, мягкие и теплые на свете. В один из приездов своих в Капернаум Симон увидел на базарной площади юную хрупкую девушку с огромными черными сияющими глазами, и тут же Симон со всею силою своей безудержной, страстной природы влюбился в нее трогательно, нежно, стыдливо. Тогда он упустил ее, и она затерялась в пестрой базарной толпе. Всю дорогу в

Вифсаиду Симон был молчалив и мечтателен, и Андрей с улыбкой на него поглядывал. Ночью было тихо в городе Вифсаиде: у Симона проявилась новая странность – уединяться и одиноко бродить среди молчаливых деревьев в саду. Утром он объявил брату, что нечего им больше делать в этом городе и они переселяются в Капернаум. «Там лов, говорят, лучше», – объяснил он свое странное решение. Андрей не возражал и сделал вид, что верит такому объяснению, хотя про себя улыбнулся: «Знаю, какой лов ты имеешь в виду». В Капернауме Симон стал большое внимание уделять хозяйству, молча и сосредоточенно обустроивал он дом, больше работал в море, а днем, с полудня до вечера, где-то пропадал. Дратся он почти перестал, так только изредка с кем-нибудь подерется, больше для поддержания молвы, нежели из большой надобности. Стал строже, похудел, но был счастлив. И еще странность – стал очень интересоваться цветами, женскими шаями и украшениями. Однажды, явившись ночью домой, он зажег светильник и тихо, что было ему несвойственно, подошел к ложу Андрея. Он был таинственен, исполнен тихой радости.

– Дай-ка, брат мой родной, я тебя поцелую, – сказал Симон и, мягко обхватив Андрея горячими ладонями, умилительно расцеловал его в обе щеки. Он был, как пьяный, но был не пьян. Последнее время он вообще не пил вина, даже очень разведенного, а пил одну воду с уксусом.

Расцеловав брата, он еще минуту, ласково улыбаясь, смотрел в лицо брата и затем сказал шепотом – действительным шепотом, – что тоже было ему несвойственно:

– Женюсь я. Как я тебя люблю, брат мой Андрей! – и добавил совсем уже странное и загадочное: – Прекрасная звезда воссияла ярче солнца и осветила всё вокруг. И звезда и солнце светят вместе, и весь мир, глядя на них, радуется и улыбается ответным светом.

Брат Андрей был младше Симона, выше его ростом и стройнее, но физической силой Богом не обижен, имел светлые волосы и синие очи, как у их рано умершей матери-гречанки, а также не росли у него еще усы и борода по младости лет. Рыбной ловлей интересовался мало, только постольку, поскольку это занятие давало средства к существованию. С торговцами договариваться не любил, уступая это почетное право брату; он стоял в стороне и наблюдал, как Симон, деловито подбочившись, называл цену, а маленький круглый торговец, морщась, корчась, извиваясь, трепеща и заискивая, говорил, что такой цены на рыбу сегодня нету, потому что базар переполнен ею, цена значительно упала и те деньги, которые он, торговец, предлагает – очень хорошие деньги, и он их предлагает из «особого расположения» к Симону, «из уважения к его семье и в убыток себе».

– У тебя, у бессовестного, совесть есть? – насмешливо смотрел на него Симон. – Или тебе помочь ее найти? Ты посмотри на рыбу. Тут одной рыбиной пять человек накормить можно. Давай не жмись, – ласково просил его Симон, опуская свою тяжелую руку на покатое плечико торговца.

Торговец краснел, потел, бледнел, говорил, что пять человек накормить нельзя, но двое слегка насытятся, что цену он повысить никак не может, потом прибавлял обол за каждые две штуки, и Симон, убедившись, что это и есть красная цена, забирал деньги и уходил.

Первое время Андрею было забавно наблюдать, как Симон торговался, но потом он больше скучал в таких случаях и осматривался по сторонам. Мелкие житейские вопросы и дразги, вся эта житейская суэта его не интересовали. Он был мечтателен, глубоко и творчески религиозен. Имел ум пытливый и острый, а душу нежную и любящую. Он чувствовал многое, непонятное для других, и приближался мыслью и чувством ко многим возвышенным тайнам. Часто, еще с детства, он надолго исчезал из дому и его находили по дороге в Иерусалим. Совсем недавно он был на Иордане. Впоследствии разнесся слух, что он-то и был учеником Иоанна Крестителя.

В это утро братьям не везло с уловом. Они вытянули почти все сети, но не нашли ни одной крупной рыбы, попались лишь мелкие пескари.

– Что же это, Андрей! – воскликнул обиженно Симон Петр. – Осталась всего одна сеть. Андрей пожал плечами.

– Вряд ли в последней сети есть что-то. И вообще... рыбу жалко: она живая.

– Вот новость – живая. Или ты знаешь другой способ зарабатывать на жизнь? Ты совсем стал равнодушен к работе. Ох, женю, узнаешь тогда... И нечего на берег глазеть. Там девушек нет.

– А не рановато мне жениться? – усмехнулся Андрей, и вдруг стал серьезен и сказал тихо: – Сегодня какой-то непростой день.

– Совсем я тебя не могу понять, – с удивлением сказал Симон и стал тянуть последнюю сеть.

Когда он ее втащил в лодку, то он некоторое время молчал. Андрей засмеялся.

– А тут что-то крупное было, – сказал наконец Симон. – Вишь, сеть прорвало. Теперь чинить придется.

Симон сел разбирать сети. Весь его вид выражал недовольство.

– Видишь человека на берегу? – вдруг спросил Андрей.

– Там много людей, – проворчал Симон.

– Ты даже не взглянул. Не там, где рыбаки, дальше. Мне показалось, что он позвал меня.

– Что? – Симон оглянулся. До берега было довольно далеко, и люди, и лодки, бывшие на берегу, казались совсем маленькими. – Выдумщик! Кто тебя позвал? Тут хоть криком кричи – не слышно. Лучше погляди на наш улов. Корзина пескариков! Неужто всю рыбу выловили из этого озера? Что нам дадут за них? Почему Бог не скажет: «Возлюбил Я тебя, Симон, и за это всегда будет у тебя улов богатым, сети будут рваться от улова».

– Они у тебя и порвались. Только улова нет. – Андрей сел на весла и стал изо всей силы гребсти к берегу.

– За такой улов нас из дому выгонят. Вишь, гребет! Ты лучше сети так тянул бы, как гребешь. Куда торопиться? Вот выручу ассарии за пескариков – и к Самуилу.

Андрей нахмурился.

– Здоров же ты, брат, вино хлестать. А еще говоришь мне, что ты добрый семьянин. Чуть что – сразу к Самуилу. Улов плохой – к нему, с женой не поладил – к нему, подрался – снова к нему.

– Устыдил ты меня, брат. Так что же, на базар? Пойдем в Киннереф. Может, там больше дадут?

Тем временем они пристали к берегу, привязали лодку. Симон взял легкую корзину и уже хотел идти в направлении к Киннерефу, но увидел, что Андрей пошел в другую сторону.

– Что ты, Андрей? – догнал его Симон. – Неужто и вправду думаешь, что Тот Человек тебя позвал? Показалось тебе. Что за выдумки? Он примет тебя за сумасшедшего.

Андрей шел молча.

– Что ты Ему скажешь? – гудел в Андреево ухо Симон. – Давай мимо пройдем, не обращаясь к Нему. Если Он звал тебя (вот выдумает!), то Он Сам окликнет тебя, если нет – идем на базар.

– Хорошо, – просто согласился Андрей.

– Он одет как галилеянин, а по виду будто не галилеянин, – тем временем говорил Симон. – А может, ты Его знаешь и шутишь теперь? Встречались где-нибудь? Ты же у нас путешественник, паломник.

– Я вижу Его впервые, – тихо ответил Андрей. – А может быть...

– Что? – Симону было неприятно думать, что его брат «заболел головой».

– Знаешь, Симон, иногда люди, которых мы видим впервые, кажутся нам знакомыми. Отчего так?

Симон не знал, что ответить, и промолчал. Они подошли к Иисусу и уже собирались пройти мимо, как договаривались, но к ним обратился Иисус с приветствием:

– Мир вам, сыны Ионы.

«А ты говоришь, незнакомый», – успел шепнуть Симон остолбеневшему Андрею, которого поразило то, что его предчувствия сбылись. Андрей смотрел на Иисуса и не мог понять, где он мог видеть Этого Человека, где мог встречать и откуда Он знает, что они – сыны покойного уже Ионы-рыбака. Словно воспоминания каких-то полузабытых снов и видений, а, может быть, грез и мечтаний его – было Это Лицо, до боли знакомое и дорогое. Андрей был поражен.

Но Симон не заметил за своей печалью состояния брата и обратился к Иисусу как к знакомцу Андрея.

– И Тебе мир. Вот идем на базар продавать наш небольшой улов. Уже третий день одни пескари попадаются, да и их немного. Придется продать лодку и сети и идти на каменоломню камни таскать за малую плату, всё больше будет, чем пескариков ловить. – Андрей очнулся и до него стал доходить смысл слов Симона; ему стало стыдно за такой разговор. – Цены на рыбу упали. Постороннему человеку в радость это, а рыбаку – горе. Наш труд не из легких. А торговцы втрое, если не вчетверо, – Симон уже увлекся и завирался, и сам этого не замечал, как не замечал и того, что Андрей дергает его за рукав, – дают меньше базарной цены.

Да, Симон не замечал, что Андрею стыдно за мелочность разговора, он лишь видел, что его слушают и сочувствуют ему и поэтому не стеснялся и высказывал все, что у него на душе накопилось, искренне, наивно, чтобы, высказав свою боль, вновь стать сильным и крепким Камнем.

– Не ходите на базар, – вдруг услышали братья. – Идите со Мной. Зачем вам ловить рыбу, чтобы губить ее. Я сделаю вас ловцами человеков для спасения их.

Глава 5. Просто Иисус

События в Капернауме и Назарете показали, что людям рано знать об Иисусе Кто Он, ибо люди слабы и не готовы еще увидеть Бога живым во плоти человеческой. Тем более они начинают требовать чудес как знамений, а это лишь вредит укреплению веры в Бога. Даже исцеления, которые являют собой торжество Божьих законов над демоническими, люди рассматривают как чудеса, то есть нарушения, опрокидывание Богом Своих же законов. Нужно молчать пока о том, что *Иисус имеет другую природу, что Он – Сын Божий и пришел на землю к людям как выразитель идей одной из Божьих ипостасей – Бога-Сына, Вселенского Логоса, а Сам Иисус есть Планетарный Логос, Бог, Строитель и Разум системы многомерных миров, связанных с планетой Земля; что Планетарный Логос воплощен в Иисусе частично, и Иисус имеет одновременно и Божественную природу, и человеческую, многократно просветленную Божественными Силами в существе Его земной матери Марии и унаследованную от нее*. Пока понять это людям очень трудно, почти невозможно, но постепенно все это станет ясным, очевидным, когда люди станут свидетелями смягчения законов бытия, когда Иисус подготовит Свое физическое тело к трансформе и научит этому людей, а до тех пор пусть думают, что Он один из пророков, обладающих Божественным даром исцеления, которые были не редкостью и в Израиле, и в других странах. Но, по возможности, лучше совершать исцеления втайне, чтобы Его слава целителя не превысила той Славы Высшей Правды, ради которой Он пришел на землю. Пока главный акцент следует сделать на проповеднической деятельности, чтобы сначала подготовить души и умы людей к тому, чтобы они вместили в себя многие и многие знания.

Не прошло и полчаса, как к будущим ловцам человеков присоединились и сыны Зеведеевы, Иаков и Иоанн, которые в то судьбоносное для них утро вместе со своим отцом Зеведеем были на солнечном берегу Галилейского моря. Андрей заметил, что Иоанн, его товарищ по детским играм и недавний его спутник в путешествии к берегам Иордана, был потрясен не меньше его, когда увидел Незнакомца. Даже вздрогнул. (К слову скажем, что об Иоанне ходил впоследствии тот же слух, что и об Андрее, – что он был учеником Иоанна Крестителя.) Иоанн, юный и впечатлительный, вдруг ощутил, как мягкая волна легонько толкнула его в грудь. Может быть, сказалась бессонная ночь или жаркое солнце напекло его красивую темноволосую голову, но на мгновение показалось Иоанну, что он взлетел куда-то ввысь и летит теперь спокойно и свободно в мировом пространстве меж ярких огромных звезд, ставших ему близкими и родными. Он наслаждался полетом, чувствовал свое Неодиочество и видел все миры, слившиеся в Гармонию, которые приветствовали его и радовались ему. Но это видение длилось всего лишь мгновение. Вот снова видит он морской берег, вот его отец разговаривает о чем-то с Незнакомцем, вот его брат Иаков стоит в двух шагах от него и все еще держит сеть в своих опущенных руках, а вот Андрей стоит рядом с ним и поддерживает его за руку.

– Не бойся, припадка не будет, – шепнул он Андрею.

Дело в том, что с Иоанном, всегда отличавшимся отменным здоровьем, уже после возвращения его с берегов Иордана вдруг случился странный, но легкий припадок, единственным свидетелем которого стал Андрей.

– Как ты думаешь, Кто Он такой? – спросил Иоанн Андрея.

– Не знаю что и думать...

Может быть, Он – Тот, Кого Иоанн и Андрей так жаждали и надеялись встретить, о Ком они так много говорили? С малых лет Иоанн стремился к знаниям, и тяга его к учению ставила своей целью, – то ли конечной, то ли этапной (этого юный Иоанн еще не мог для себя решить), – познание устройства мира и тайн его. Еще в детстве подружился Иоанн с одним угрюмым вифсаидским мытарем, нестарым и одиноким. Тот был когда-то учеником какого-то грека-раба. И

этому мытарю понравился маленький подвижный и озорной темноволосый мальчуган с большими любознательными, почти черными глазами и с несколько резким, вспыльчивым характером. Понравился настолько, что мытарь решил выучить его читать и писать по-арамейски и по-гречески. Немного обучил его и латинской грамматике, немного поведал ему о числах Пифагора и о эвклидовой геометрии, и заворожила маленького Иоанна красота Божьего мира, которую человек сумел выразить в математических формулах. Мытарь давал Иоанну для чтения самодельные, переписанные им самим книги, среди которых были сочинения Пифагора, «Математические собрания» Паппа Александрийского, в которых были прокомментированы утерянные к тому времени «Начала» Эвклида, а также сочинения Платона. Сначала Зеведею такие увлечения младшего сына были не по душе, но Иоанн покорило сердце своего родителя тем, что по вечерам вслух читал священные тексты. Всё же Зеведей решил как можно раньше приобщить сына к ремеслу рыбака. Сын должен продолжать дело своего отца, поэтому в десять лет Иоанн стал выходить в море с отцом и старшим братом Иаковом. Дружба с мытарем вскоре прервалась, ибо тот из-за каких-то неприятностей с местными властями вынужден был уехать в другой город, и Иоанн больше ничего не слышал о своем первом учителе, хотя впоследствии не раз пытался его разыскать. Но мечта учиться дальше и познавать мир жила в нем и звала куда-то вдаль прочь от быта, от ремесла, от окружающей его действительности. Встретившись со своим другом детства Андреем, с которым он несколько лет не виделся, он снова с ним сошелся. Но теперь вместо обычных игр и шуточных драк, они с таинственным видом о чем-то шептались, что-то читали и куда-то вместе исчезали на долгое время из своих домов. Симон, на плечах которого после смерти отца лежало воспитание младшего брата, с самого начала знал, куда убегал Андрей, в семье же Иоанна узнали об этом несколько позже. Они ходили в Иерусалим и в другие города, чтобы послушать и увидеть знаменитых проповедников и пророков. Дело в том, – и об этом уже не знали ни Симон, ни домашние Иоанна, – что и Андрей, и Иоанн ждали Мессию, верили в Его скорое пришествие и еще по-детски уверяли друг друга, что и им посчастливится увидеть Его. Прослышав об Иоанне Крестителе, оба друга, конечно, отправились на Иордан, опять же не предупредив об этом путешествии своих близких, даже не подумав о том, что те будут волноваться, и вернулись лишь месяц спустя. Зеведей и его жена Саломея после долгих волнений и переживаний решили, что Иоанна следует женить, несмотря на его юный возраст, иначе его таинственным путешествиям конца не будет. Четырнадцатилетний Иоанн был очень хорош собой, высокий, стройный, в работе не ленив, умен и добр. Многие семьи с удовольствием отдали бы за него своих дочерей, и самим дочерям этого очень хотелось, поскольку некоторые из них уже были в него тайно влюблены. Так что с выбором невесты для Иоанна затруднений не предвиделось. Сам же Иоанн был далек от мыслей о брачных узах, и решение родителей его застало врасплох и поставило в тупик. Лишь Иаков слабо заступился за брата: «Да он дитя еще совсем».

Старшим своим сыном Иаковом родители были довольны, и за дальнейшую судьбу его были спокойны. Зеведей опытным своим оком разглядел, что Иаков станет хорошим и уважаемым рыбаком, достойным продолжателем отцовского дела. Иаков действительно любил свое ремесло и трудился в море даже вдохновенно. Очень любил самое море, именно это маленькое Галилейское море. Когда не было работы, он мог часами сидеть на берегу и смотреть, как море искрится под солнцем, как оно темнеет и волнуется, когда над ним нависают тяжелые низкие тучи, слушать его голос то грозный, то нежный, звучащий под сенью ночи, наблюдать, как бежит таинственно по его волнам от самого горизонта лунная дорожка и как окрашивали его в розовые и оранжевые тона лучи восходящего солнца.

Недавно Иаков сказал своим родителям о своих дальнейших планах, то есть о том, что он решил заработать достаточно денег, чтобы купить свой дом, лодку и сети, и обзавестись в ближайшем будущем семьей, чем очень порадовал Саломею и Зеведея, не знавших о той личной драме, которую успел пережить их сын (о ней речь еще впереди) и о том, что именно

живая рана на сердце сына заставляет его думать о скорой женитьбе на первой встреченной им девушке и о собственном доме.

Как же удивился Иоанн, когда Зеведей отпустил его и Иакова с Иисусом. Он решил, что произошло чудо. Второе чудо тоже не заставило себя ждать, ибо Иаков в один миг вдруг изменил свои планы, к которым, казалось, так серьезно относился и так долго их вынашивал, и вместо тихой, спокойной жизни с женой и детьми на берегу моря избрал вдруг эту неведомую дорогу. В решимости его сомнений не было: прежде чем Иоанн опомнился, Иаков сложил сети в лодку и подошел к сынам Ионы, проделав всё это с видом спокойным и решительным, словно он всю свою жизнь знал или хотя бы подозревал о своей настоящей судьбе и ждал только этого часа.

– Равви, мы готовы идти с Тобою, – сказал за всех Иаков.

– Нет, – сказал Иисус, – не называйте Меня «равви» или каким-нибудь иным именем. Вы друзья Мои и братья Мои. Называйте Меня просто – Иисус.

– Иисус, по-арамейски Иешуа, это значит «спаситель», – шепнул Симон Андрею. – Довольно распространенное в Израиле имя...

Они шли по солнечному берегу вдоль линии прибоя. Вскоре мокрый песок и камни сменились ковром зеленой травы с маленькими цветами. Теплый воздух нежно омывал идущих, пьянящее спокойствие было разлито в природе.

– Иоанн, – вполголоса сказал Андрей, – сейчас у меня такое чувство, словно всё это когда-то уже было. Так же светило солнце, так же пахло травами и морем и мы так же шли по этой долине вслед за Иисусом. Я понимаю и осознаю, что этого никогда прежде не было, но впечатление очень живо, ярко и сильно. А ты чувствуешь что-то подобное?

– Сейчас – не знаю, – тихо ответил Иоанн. – У меня как-то все мысли и чувства путаются. Вернее, я переполнен ими и ничего в них не могу понять. Но я тебя понял: у меня раньше такое бывало. Вот точно знаю, что со мной никогда чего-то не было, а кажется, что всю обстановку уже видел когда-то, все слова слышал и именно так и отвечал.

– Странно, правда? – задумался Андрей. И произнес тихо, обращаясь уже к самому себе: – Интересно, бывает ли так и с другими людьми, а если бывает, то как часто и, главное... разрешит ли когда-нибудь человек эту загадку? Ведь если кажется, что все это было, значит, оно, может, действительно было, но только в каком-нибудь другом времени или же человек просто где-то в полуснах видит свое будущее не как символ, что обычно бывает в вещих снах, а как реальность со всеми тонкостями и мелочами?

Иоанн прислушивался к этому бормотанию, и сам задумался.

Вскоре они свернули на узкую тропинку, ведущую к восточным воротам Капернаума. До города оставалось минут десять ходьбы. Тропинка вилась меж трав и кустарников с мелкими красными и черными ягодами, а ближе к городу пролегла через открытое место, поросшее спорышем и другой мелкой травой. Вдруг кусты шевельнулись и послышался слабый треск преломленной тонкой ветки. Слышалось чье-то затрудненное и заглушенное дыхание, тихое сопение.

– Слышите? – спросил Симон. – Может, чья-то овца заблудилась?

– Там далее много гробов. Это может быть и прокаженный, – серьезно заметил Иаков.

– Так по закону прокаженный должен громко объявить о себе, что он не чист. Вряд ли, – с сомнением сказал Симон.

– Не беспокойся, Симон, – сказал Андрей. – Это какой-нибудь дикий зверь. Лев, например.

– Насмешник. Со львом я справлюсь, – горделиво-спокойно сказал Симон.

– А овцы боишься? – улыбнулся Андрей.

Будущие ловцы человеков тихо засмеялись, а Симон легонько и шутливо ударил Андрея по плечу.

Как только они вышли на открытое место что-то серое, большое и бесформенное бросилось им наперерез и простерлось у ног Иисуса. Теперь все увидели, что это был человек в страшных лохмотьях, прикрывавших почти все его тело. Нос и нижнюю часть лица его скрывала какая-то грязная тряпка, верхняя же часть его лица была опухшей, как опухшими были и его оголившиеся стопы и части голеней; кроме того, эти участки тела были покрыты язвами. Перед ними был прокаженный.

Болезнь проказа была настоящим бедствием древнего мира и считалась Божьей карой за очень тяжкие грехи. Больных проказой изгоняли из городов и селений, и эти несчастные селились в каменных гробницах, таясь от света и людей, проклявших их. Помимо физического отвращения, люди испытывали по отношению к ним и духовный страх, боясь, что Бог их покарает так же, если прокаженный, он же страшный грешник перед Лицом Бога, приблизится к ним или заговорит с ними. Поэтому под страхом страшной и неизбежной смерти эти несчастные должны были криком предупреждать людей, что они нечисты. Питались они чем придется, в основном тем, что давала природа. Иногда они издали кричали стражникам городов и просили им дать хотя бы объедки, а в ответ получали грубые слова.

Совсем по-иному обстояло дело, если какого-нибудь богача вдруг поражала эта страшная болезнь. С тех пор как люди узнали власть золота и стали благоговеть перед деньгами для обладателя денег не стало ничего невозможного в мире, какие бы тяжкие грехи он не совершил. Богатый прокаженный мог предпринять одно дорогостоящее «лечение». Для этого ему нужно было обратиться к священнику, и тот за несколько минут и мешок золота проводил обряд очищения. Вот как это происходило:

Священник брал двух птиц «живых и чистых», как написано в Законе, брал также палочку кедрового дерева, червленную нить и траву иссоп и шел за город вместе с прокаженным. Одну из птиц закалывал над глиняным сосудом с водой, потом омывал в крови жертвы живую птицу, палочку, нить и иссоп, окроплял семь раз прокаженного кровью и отпускал оставшуюся в живых птицу на волю. Затем прокаженный должен был у себя дома выстирать свою одежду, остричь волосы и покупаться в воде. Теперь он «чист», может спокойно жить в городе, но должен семь дней находиться в одиночестве. На седьмой день он должен был обрить все волосы на теле, постирать одежду, в которой был эти семь дней, снова покупаться в воде, а на восьмой день, прихватив с собой двух овнов непорочных, одну однолетнюю овцу непорочную, три десятины пшеничной муки, смешанной с елеем, одну меру елея и мешок с золотом за услуги, он вновь посещал священника. Тот закалывал одного овна на жертвеннике в синагоге и кровью жертвы мазал правое ухо очищаемого и большие пальцы на его правой руке и правой ноге. Елей священник лил на левую свою ладонь, а палец правой своей руки обмокал в елее и кропил больного семь раз, затем мазал елеем опять же таки правое ухо очищаемого и большие пальцы его правой руки и правой ноги. Потом выливал остатки елея со своей левой ладони на голову очищаемого и приносил жертву всесожжения и хлебное приношение. Все это исполнялось с педантичной точностью. После этого объявлялось, несмотря на явные, неисчезающие признаки болезни, что прокаженный «совсем чист». В хороших условиях, при разнообразном хорошем питании больной нередко, спустя некоторое долгое время выздоравливал, и тогда вся заслуга в исцелении принадлежала священнику.

«Милостивый» закон делает оговорку и для бедных. Им на восьмой день достаточно было взять одного овна, одну десятину пшеничной муки, смешанной с елеем, одну меру елея и двух горлиц для жертвы за грех и всесожжения. Но на самом деле такое «очищение» было не по средствам бедным, и они скитались вне городов и селений в страшной болезни, мучаясь от боли, голода, отвращения к себе и страха перед здоровыми людьми, выбросивших их из своего общества.

Один из таких несчастных и лежал сейчас у ног Иисуса, повторяя, как безумный, монотонным, хриплым голосом одну фразу:

– Господи! Если хочешь, очисти меня! Господи! Если хочешь, очисти меня!

Хотя Иаков сказал, что гробы «там далее», они находились довольно далеко от восточных ворот, и немалое расстояние пришлось преодолеть при такой болезни этому несчастному.

Иисус бросился к прокаженному и помог ему подняться. Ученики молчали и не двигались.

– Очистись! – произнес Иисус.

И ученики не поверили глазам своим. Тело прокаженного стало уменьшаться, а язвы затягиваться. Теперь перед ними стоял невысокий, худощавый молодой человек, довольно приятной наружности в обвислых лохмотьях. Тот, судорожно закатив рукав, увидел свою руку, здоровую и без язв. Даже следов не осталось. Тогда, сорвав повязку со своего рта, он еще раз бросился в ноги Иисусу.

– Встань и не говори никому, как очистился, – ласково сказал Иисус и пошел дальше.

После некоторого молчания заговорили ученики.

– Вот так «просто Иисус»! – воскликнул Симон. – А я еще не верил своей жене! Такое увидеть... да этому никто не поверит.

– Такого мы не видели ни у одного из пророков, к которым приходили! – шептал Андрей.

– Прокаженный сказал: «Господи!», значит, это и есть «Идущий вслед за Иоанном Крестителем, Которому он не смеет даже обувь Его понести»? – проговорил Иоанн.

– О таком я читал лишь в Священном Писании, – поражено говорили и Иаков, и Симон, и Иоанн, и Андрей.

Ученики догнали Иисуса. Первым заговорил Симон Петр:

– Равви! Достоин ли я, чтобы идти за Тобой?

Иисус оглядел ошеломленных учеников.

– Увидите больше этого. И сможете. Истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божьих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому. А теперь идемте в Капернаум.

Да, чудо поражает и имеет огромную силу убеждения. Вот почему умный и лукавый дух, черный исполин, приходивший в пустыню к Иисусу, искушал Его совершить чудо – превратить камни в хлебы. Но Иисус от начала и до конца Своей оборвавшейся Миссии ни одного чуда не совершил. Чудом не были ни Его Непорочное Зачатие, ни превращение воды в вино в Кане Галилейской, ни исцеления, ни воскрешения мертвых, ни укрощение бури, ни хождение Его по воде, ни преображение на горе Фавор, ни Его собственное воскресение, ни Его вознесение. Иисус действовал в пределах Божьих законов, опровергая всей Своей Жизнью демонические законы болезней и смерти, беспомощной ограниченности возможностей физического тела. Ибо Божественные законы Жизни чудеснее и прекраснее любых чудес, которые только может представить человеческое воображение. Но пусть мы называем это чудесами. Разве не чудо, что звезды силою тяготения – силою любви – образуют системы, даруя нам жизнь, разве не чудо, что мы дышим, любим, творим, преклоняемся перед понятиями «прекрасного», «великого», «милосердного», разве не чудо, что Логос Земли из любви к нам стал Сыном Человеческим... Такие чудеса роятся из веры. И грош цена вере, рожденной из чуда. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Но что такое *вера*? Есть такое мнение, что знания выше веры, так как последняя основана на недостаточных и недостоверных данных. Но так ли это? Что такое знания? Например, наши научные знания, которыми мы гордимся? Разве не на вере, вернее, доверии к авторитетам ученых основаны они? Ведь не все опыты мы проводим лично и в большинстве случаев даже не имеем возможности их провести, так что многие научные истины мы воспринимаем на веру. Итак, вера равна знанию – из веры родится знание, из знания – вера. Доверяя авторитетам святых и пророков, их личному духовному опыту, мы приобретаем религиозные знания, с помощью веры мы извлекаем знания, вложенные в нас Богом, из глубин нашего подсознания

и из высот нашего сверхсознания, мы расширяем свое «я», познаем себя и окружающий нас мир. Бог есть Истина, а путь к Истине, лежащий через веру и любовь, и есть познание. Разве не странно, что все гении науки – все эти Ньютоны, Ломоносовы, Менделеевы, Дарвины, Эйнштейны, Вавиловы – были глубоко верующими в Бога людьми, а убежденные атеисты ничего в науке не сделали?! Потому что великие человеческие открытия и великие произведения искусства – это суть Божественное Откровение ученым и деятелям культуры. С помощью горячей веры в Бога они сдвигали «горы» в пространствах человеческих познаний и восприятия прекрасного – и тем самым двигали человечество вперед, в светлое будущее, которое рано или поздно настанет благодаря избранным. «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Глава 6. Учитель

Когда Иисус и Его ученики вошли в город Капернаум, к ним тотчас подошел римский кентурион. Это был довольно высокий, сильный человек лет тридцати, со строгим суровым лицом воина, слегка изуродованным некогда ударом меча – белеющий шрам проходил через весь лоб до левой выжженной солнцем брови. Он поклонился Иисусу.

– Ты – Великий Человек! – произнес кентурион. – Я был свидетелем Твоих исцелений. Но то, что я увидел сегодня, убеждает меня в том, что дар Твой действительно от Бога Твоего. В то время, когда я въезжал в город, я увидел Тебя с прокаженным. Потом я видел этого человека здорового и радостного. Хотя мы с Тобой разной веры, я прошу Тебя во имя Бога Твоего о милости. Мой слуга очень болен и лежит в горячке. Я люблю его, я знал его еще мальчишкой, и с тех пор он служил мне в сражениях на полях битвы. Я прошу Тебя оказать мне милость и исцелить его.

– Я приду к тебе и исцелю его, – ответил Иисус.

– Нет, Великий Человек, – произнес кентурион, – не достоин я, чтобы Ты вошел под кров мой. Скажи лишь слово – и выздоровеет слуга мой. Хотя я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: «Пойди», – и он идет; другому: «Приди», – и тот приходит, а слуге моему: «Сделай то», – и он делает.

Иисус, услышав такие слова, ласково улыбнулся:

– Я рад буду, если и в Израиле найду веру такую. Говорю же вам, – обратился Он к ученикам Своим, – что многие придут с востока и запада, севера и юга и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царствии Небесном. – Затем Он снова обратился к кентуриону: – Иди и как ты уверовал, да будет тебе. Твой слуга теперь здоров.

– Благодарю Тебя и Бога Твоего, – сказал кентурион и, еще раз поклонившись Иисусу, удалился.

В Капернауме Иисуса уже заметили и вскоре вокруг Него собралось много людей.

– Как ты думаешь, – Симон Петр схватил Андрея за руку, – слуга сотника уже здоров? Андрей удивленно взглянул на Симона.

– А ты как думаешь? – сказал он, и легкий укор послышался в его вопросе.

– Я думаю, здоров, – ответил сияя Симон Петр. – Сомнений нет. И ты не сомневайся.

Тем временем они проходили мимо Симонова дома, и Симон, бросив на ходу Андрею: «Я сейчас», – быстро вошел в дом. Он застал жену в первой комнате, где она разжигала очаг. В доме было тихо, и, казалось, эта тишина зазвенела в ушах после шумной улицы. Видимо, дети спали в другой комнате.

– Радуйся, любимая, – вскричал Симон.

Жена сделала ему знак, чтобы он говорил тише, но шепот все равно у Симона не получился.

– Пойдем со мной – поделишь радость нашу, – он поцеловал ее в губы и, как была она у очага простоволосая, такую и потащил ее за руку из дому; она едва успела захватить накидку и уже на ходу убирала волосы.

– Симон, где же улов? – торопливо бормотала она.

– Некогда, любимая. Идем, – орал он.

Пробиться сквозь толпу к Иисусу было весьма трудно. Но жена Симонова разглядела в толпе Иисуса.

– Ой, Симон, это Он, – шепнула жена ему.

– Он, – ответил Симон радостно.

– А ты не верил мне, даже до слез довел. Значит, Он встретился с тобой, как обещал, когда исцелил мою мать... И все же, Симон, где улов?

– А нет улова. Выпустил я пескариков, пусть живут.

– Как, «пусть живут»? Как наши дети будут жить?

– И пескарики будут жить, и мы заживем совсем по-другому, – орал Симон, потому что в толпе уже иначе и говорить было нельзя. – Теперь я с Ним.

– Вот хвастун, – засмеялась жена.

– Мир тебе, жено, – заметил ее Иисус.

– Мир и Тебе, Равви, – вся вспыхнула женщина. – Моя мать, я и мой муж просим Тебя посетить наш дом.

– Благословенна ты, жено, – сказал Иисус. – А отпустишь ли ты своего мужа со Мной? – Он ей улыбался, и ответ Его улыбки был на ее лице.

– С Тобою – куда угодно, – сказала она.

В эту минуту подошел к Иисусу бывший прокаженный. Он все еще был в лохмотьях и был бледен.

– Господи! Помогите мне еще раз. Священник отказывается мне выдать свидетельство, если я не принесу жертву за грех и всеожжания. Где мне взять овнов? Я сроду ничего не крал.

– Верю тебе, и Я пойду с тобой к священнику, – сказал Иисус и, обратившись к ученикам Своим, произнес: – Вы идите к Петру и ждите Меня там.

Ученики удалились, а Иисус и бывший прокаженный в сопровождении внушительной толпы пошли к синагоге, которая находилась недалеко, через две улицы.

Священник, услышав шум, вышел на середину синагоги и остановился в ожидании, увидев вошедших.

– Этот человек нуждается в разрешении на жительство, – сказал Иисус, указав на Своего спутника.

– Я ему уже объяснял, что, по Моисееву закону, – проговорил маленький священник, – так как он был болен проказой, а не какой-нибудь другой болезнью, он должен принести жертву за грехи и жертву всеожжания.

– Сказано: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всеожжений», – ответил Иисус.

Священник не знал, что ответить на это Иисусу. Уличенный в плохом знании Закона, он побоялся, что его неосторожный ответ подорвет его авторитет среди уже засомневавшихся в нем жителей Капернаума. Он отчужденно посмотрел на Иисуса и пошел выписывать свидетельство.

Через пятнадцать минут Иисус уже был у дома Петра. Но сразу возлечь за столом со Своими учениками Ему не удалось. Больные и увечные жаждали исцелений. Иисус принимал их в саду Петрова дома. И так было до самого вечера. Когда солнце вновь утонуло в Галилейском море, Иисус наконец вошел в гостеприимный дом Симона Петра. Кто-то маленький и мягкий толкнулся под ноги Иисуса, когда Он входил. Тихо смеясь, Иисус поднял на руки маленького сына Петра, черноволосого и кудрявого, как отец, мальчика двух лет, и ребенок доверчиво и крепко обнял шею Иисуса.

– Мир дому сему, – сказал Иисус, нежно и бережно обнимая ребенка.

– Ой, – вскрикнула смутившаяся жена Симона Петра, – я же его уложила спать. Вот непоседа.

– Ничего, – сказал ей Иисус, – теперь он проспит до позднего утра, ведь сегодня он так и не пожелал уснуть.

– И Ты, Равви, о таких мелочах знаешь! – удивилась женщина и, взяв уснувшего ребенка из рук Иисуса, отнесла его в другую комнату.

Симон поднялся из-за стола и, как хозяин дома, приветствовал дорогого Гостя по обычаю, то есть целованием, омовением ног и помазанием елеем головы. Когда Иисус возлег за столом, вошла жена Симона.

– Мне прямо неудобно, как хозяйке. Петр, – она называла мужа по прозвищу, когда сердилась на него, – не принес сегодня ни улова, ни денег. А что было, эти обжоры почти все съели, – указала она на учеников. – Мне почти нечем угостить Тебя.

– Это не страшно, – сказал Иисус улыбаясь, – дайте Мне то, что осталось.

Жена Петра дала Иисусу хлеб, выскребла в блюдце остатки меда и налила в чашу остатки вина.

– Этого на всех хватит, – сказал Иисус и, преломив хлеб, раздал каждому по большому куску хлеба, затем, взяв Свое вино, наполнил чаши каждого до краев, а блюдца хозяек и учеников наполнил медом из Своего блюдца.

Никто не ожидал от Иисуса этого. Тут просто все рты раскрыли от изумления. А затем, весело смеясь, принялись за трапезу. Симон веселил всех своими рыбацкими рассказами, и сам же первый и хохотал громче всех, поэтому жена останавливала его, знаками указывая на вход в другую комнату, где спали дети. Все насытились и еще много на столе осталось еды и питья.

Иисус встал из-за стола. Он поблагодарил хозяйку и ее мать за приглашение и угощение и сказал ученикам, что им пора уже идти.

– Уже уходить? Ночью? – удивились ученики. – Дай нам время, Равви, хотя бы собраться в дорогу.

– Со Мною вы ни в чем не будете нуждаться, поэтому не берите с собой ни сумы, ни посоха, ни двух одежд, ни двух смен обуви.

– Неужели, Равви, Ты уже уходишь? – расстроилась жена Петра.

– Я часто буду приходить в Капернаум, – утешил ее Иисус. – Ибо здесь есть дом, где Меня любят и ждут.

Иисус и ученики вышли на ночной берег моря, над которым золотился серп молодой луны, но ученикам показалось, будто две полные луны изливали свет на землю – так светла была ночь рядом с Иисусом. Петр, которого все стали так называть вслед за Иисусом, Которому очень понравилось прозвище Симона, отвязал свою лодку. Все вошли в лодку и отправились в Гадару, город Десятиградия, расположенный на восточном берегу Галилейского моря.

Сначала море было спокойным, поверхность его была гладкой, как мраморные плиты в Храме, ветра совсем не было, поэтому добрую треть пути лодка прошла на веслах. Но внезапно стало темно, пропал куда-то с неба золотистый серп луны и подул сердитый холодный ветер. Море взволновалось и вспенилось. Вскоре волны набрали такую силу, что они поднимали лодку к черным небесам и бросали ее вниз. Плыть дальше стало невозможно, поэтому Петр и Иаков быстро соорудили из мачты, весел и паруса плавучий якорь и бросили его за борт, закрепив его на носу веревкой, чтобы он удерживал лодку носом к ветру и ее не захлестнуло волной. Андрей и Иоанн энергично работали черпаками, в безумной спешке вычерпывая воду из лодки. Вскоре к ним присоединились Петр и Иаков. Буря безжалостно терзала и швыряла лодку, которая становилась почти вертикально, опираясь попеременно то на нос, то на корму. Долго так продолжаться не могло, и любой из следующих валов мог принести смерть.

– Никогда не слышал, чтобы на нашем озере был когда-то такой шторм. Темно так, что я себя не вижу, – орал все преувеличивающий Петр.

– Где наш Учитель? – орал Иаков.

Иисус в это время спал на корме. Устав за день, Он уснул, когда лодка лишь отплыла от берега, и теперь даже разыгравшаяся в море буря не смогла разбудить Его.

– Учитель, Учитель, – стали кричать ученики. – Спаси нас, мы тонем.

Иисус тут же открыл глаза.

– Что же вы так боязливы, малoverные? – мягко упрекнул их Иисус. И сказал: – Море и ветер, успокойтесь.

Волны обрушились вниз и исчезли, и стала поверхность моря ровной и чистой. Ветер улетел, словно и не было его, небо стало чистым и снова появился на нем голубовато-золотой серп молодой луны.

Многие узнали ученики за день и в эту ночь о Своем Учителе: исцеление безнадежных больных, насыщение огромной семьи малыми кусками хлеба, остатками меда и вина, а теперь, оказалось, что и море, и ветер подвластны Ему. Ученики боялись даже глаза поднять на своего Учителя.

– Говорю вам, – сказал Иисус им, – если имеете веру с горчичное зерно и скажете горе: «Сойди с места и войди в море», то исполнится по вере вашей.

Так как во время бури лодка дрейфовала против ветра, ее снесло к юго-западу и она сбилась с курса. Иисус указал ученикам, куда плыть; в это время подул попутный ветер, Петр и Иаков поставили парус, и через полтора часа лодка пристала к берегу...

Восточный берег был весь залит слабым светом восьмидневной луны, вдали чернела огромная гора – это был город Гадара, а слева угадывалась группа высоких деревьев. Берег был тих и казался таинственным.

– Учитель, – обратился Иаков к Иисусу, потому что его очень интересовал этот вопрос, так как он по-детски искренне любил природу, – если можно приказывать морю, ветру, горе, значит, они живые?

– Бог – Отец живых, а не мертвых, – ответил ему Иисус. – Все, что создано или рождено Им – живое. Сними обувь свою – и ты ощутишь, как живая земля ласкает и целует подошвы ног твоих, обними камень, лежащий на пути твоём, и ты услышишь его дыхание, скажи ветру что-нибудь, и ты поймешь, что он услышал тебя.

В эту минуту тихое лунное очарование берега было нарушено диким взвизгом. Ученики вздрогнули и похолодели. Так не кричит ни зверь, ни птица, но трудно представить себе, чтобы это был голос человека. Крик повторился и размножился.

– Не бойтесь, – сказал Иисус ученикам. – Это сумасшедшие. Их двое.

– Я слышал от других рыбаков, – сказал Петр ученикам, – что в Гадаринской окрестности люди боятся выходить ночью из города и близ лежащий селений. Да и днем ходят не в одиночестве, поскольку здесь бродят двое бесноватых, весьма свирепых, которые одежды не носят и нападают на людей, жестоко их избивая.

Две белеющие фигуры, одетые в лунный свет и кричащие что-то невразумительное и страшное, наконец приблизились к Иисусу и остановились.

– Это Ты? – сказал вдруг один из них низким, утробным голосом. – Что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Зачем Ты пришел мучить нас?

Два последних вопроса были заданы многоголосым хором, и ученики подивились тому, что один человек может говорить сразу сотней согласных голосов, правда, очень неприятных и жутких.

– Я пришел, и Мои ученики услышали ваши голоса. Теперь они знают, кто разьедает души и умы этих несчастных. Исцелитесь, – сказал Он тихо, и это последнее слово было обращено уже к самим сумасшедшим.

– Да здесь люди! – воскликнули лунные фигуры нормальными человеческими головами. – Не подходите, мы без одежды, – и вскоре они исчезли в черной группе деревьев и кустарников.

– Вы все здесь, – обратился Иисус к черной копошащейся массе у Его ног. – Скажите, чтобы слышали Мои ученики, – сколько вас?

– Легион. [Легион – триллион (матем. введено в XII в.); легион как военная единица в римском войске – 5000 человек. – В.Б.] – Это был тот же многоголосый хор низких, утробных голосов.

– Уходите к себе, здесь нет для вас пищи, – приказал им Иисус.

Черная масса бросилась в море и утонула в нем.

Ученики не могли поверить ни своим глазам, ни своим ушам. Учитель приказывает бесам, и те бегут от Него!

– Учитель, – обратились к Иисусу ученики, – объясни нам, что это было?

– Вы только слышали о бесах, – сказал им Иисус, – но никогда не слышали их голосов и не видели их. Бесы – обитатели других миров, и они для большинства людей невидимы и неслышны. Я сделал так, чтобы вы их услышали и увидели. Я открыл на минуту ваши вторые слух и зрение.

Иисус взглянул на черные высокие городские стены.

– Ночью нам все равно ворот не отворят, – сказал Иисус. – Отдохнем до рассвета здесь, на траве.

Расположились на ночлег, но ученикам, переполненным впечатлениями минувшего дня и этой ночи, не спалось и хотелось еще поговорить. Они лежали на траве рядом и шепотом обменивались впечатлениями. Вспоминали всё – с самого начала. Андрей упрекал Петра, что он ему не поверил тогда, в лодке, а Иоанн спрашивал брата Иакова, почему тот, собиравшийся жениться и жить отдельно от родителей, вдруг, не раздумывая, пошел за Иисусом.

– Как видишь, в выборе я не ошибся, – отвечал тихим голосом Иаков.

Затем они вспомнили и прокаженного, и еще нескольких, поразивших их, исцеленных. Вспоминая ужин у Петра, они тихо засмеялись, припомнив его рассказы о диковинных морских животных, которые ему попадались в сети.

– А что? – возмутился басом Петр. – Действительно попался – голова и одни ноги.

– А сколько ног-то было? – смеялся Иаков.

– Не считал.

– Да врет он все, – говорил Андрей. – Ему об осьминогах рассказывал в распивочной средиземноморский рыбак.

Затем серьезно, снизив свои голоса, как только они могли, говорили о преломлении хлеба Иисусом.

– А вино-то совсем уже другой вкус имело, – шептали восхищенно.

– Я никогда не пил такого вкусного вина, – пробасил Петр.

– Тише, – зашикали на него.

– А бесы? – громче, чем нужно, сказал Петр. – Мне один знакомец рассказывал, что в северных странах водятся такие животные – свиньи называются. По описанию его очень похожи. Говорил он, не морда, а сплошные ноздри.

– То у него – голова и ноги, то – сплошные ноздри, – заметил Иаков.

– Снова неправда, – сказал Андрей.

Тут вмешался в разговор Иоанн, много путешествовавший вместе с Андреем.

– Да, неправда. Мы с Андреем видели этих животных – очень симпатичные, милые и умные. А бесы... – Иоанн помолчал, подбирая в уме выразительное слово, – они жуткие.

– Не говори о бесах, – заметил ему Иаков, – а то еще приснятся. Мерзость какая! – передернул он плечами.

– А буря? – вспомнил кто-то...

Так за разговором и не заметили, как уснули.

Петр проснулся оттого, что яркое солнце било ему прямо в глаза и еще оттого, что услышал возле себя громкие крики людей. Открыв глаза, он увидел, что перед Иисусом стоят люди: стражники, служители синагог, другие жители Гадары. Некоторые из них были вооружены палками. Поднявшись на ноги, Петр ощутил, что его кто-то ударил в спину кулаком. Он обернулся и увидел разгневанную старую женщину.

– Убирайтесь отсюда, – строго говорил стражник Иисусу. – Народ волнуется. Это непорядок.

– Прогоните этих повелителей бесов, – кричали в народе. – Мы не пустим их в город.

– Мы уходим, – тихо сказал Иисус.

– Что случилось? – спрашивал Петр у других учеников, проснувшихся раньше него.

– Видишь, нас гонят, – ответил Андрей. – Наши ночные знакомцы рассказали в городе, что пришли волхвы, которым покоряются бесы.

Иисус и ученики Его пошли к лодке.

– Куда теперь, Учитель? – спросил Петр, когда они немного отплыли от берега, на котором еще волновались и кричали угрозы люди.

– В Вифсаиду, – сказал Иисус. – А в Гадару мы еще вернемся.

– После того, как они нас выгнали? – спросил Петр с сомнением.

– Да, после того, как они нас выгнали, – улыбнулся Иисус.

Вифсаида совсем не изменилась с тех пор, как оттуда выселились сыны Ионы. Всюду они встречали знакомое и родное. Всюду они встречали знакомцев и друзей. Петр важно говорил им, что он тут «по делу и очень занят». Когда же его спрашивали, указывая на Иисуса: «Кто Он?», он таинственно им отвечал:

– Приходите на *наш* холм за городом, узнаете.

И Петр сделал-таки свое дело. На известном жителям Вифсаиды холме собрались несколько тысяч человек. Они слушали Иисуса до позднего вечера. Многих, как и в Капернауме, Он исцелил. Покоренные вифсаидяне даже не захотели возвращаться на ночь в город. Тогда Иисус взял два хлеба, преломил их и накормил весь народ, бывший на холме и у его подножия. Жители Вифсаиды вскричали: «Будь нашим царем!». Но Иисус исчез, и никто не заметил, куда Он ушел и когда. Даже ученики Его не могли разыскать.

– Как вы думаете, где наш Учитель? – спросил Иаков у остальных учеников.

Те пожимали плечами, но напряженно думали, куда им теперь идти.

– Может, Он пошел в Гадару? – предположил наконец Петр. – Помните, Он сказал, что вернется в Гадару?

– Он сказал, что *мы с Ним* вернемся туда, – отмахнулся от этой версии Иаков. – Да и как бы Он пошел? По воде, что ли? Лодка-то здесь...

– А в обход по берегу?.. – сразу нашелся Петр. – Мы Его там и перехватим, а?

– Да, с нашим Учителем не соскучишься, – напряженно морщил свой красивый лоб Иаков. – Впечатлений на десять жизней хватит. Ну, куда Он девался? Словно в воздухе растворился. У меня уже голова кругом идет. Нет, я предлагаю, ждать Его здесь. Он Сам нас найдет.

Но Андрей и Иоанн согласились с Петром, что нужно плыть в Гадару. Сидеть и ждать – это было им не по силам. Они жаждали действий. И все поплыли к восточному берегу моря, несмотря на ночь. Плыли они уже несколько часов, чувствовался скорый рассвет, но другой берег был неощутим. Море было спокойным и гладким. Вдруг ночь начала таять, и они заметили, что к их лодке кто-то приближается. «Не может быть!» – подумали они, протирая глаза.

– Это призрак, – догадливо крикнул Петр. – Говорят, в море такое бывает.

Вокруг них было только море, ни одного берега не было видно. Кто же может идти по воде, как по твердой земле? Только призрак. Глубина моря им, как рыбакам, была известна.

– Кто из вас слышал о призраках? – тихо спросил Иаков. – Что нам нужно делать теперь?

– Ободритесь, это Я. Не бойтесь. – Они узнали голос Иисуса.

– Все-таки по воде, – тихо шепнул Иаков.

Ученики решили, что уже нечему удивляться и обрадовались.

– Господи! – сказал Петр, и сам не заметил, что назвал Учителя Господом; это как-то получилось само собой. – Если это Ты, повели и мне прийти к Тебе по воде.

– Иди, Петр. Ты можешь это, – сказал Иисус.

Петр вышел из лодки и пошел по воде навстречу Иисусу. Он сам себе не поверил, что идет по воде. Но как только эта мысль, эта мысль-чувство, коснулась его, сердце его сжалось – и он провалился в воду.

– Господи! Спаси меня, – вскричал Петр, захлебываясь.

Иисус протянул ему Свою руку, и Петр вновь оказался стоящим на воде.

– Маловерный! – сказал Иисус с легким укором. – Зачем ты усомнился?

Иисус и Петр вошли в лодку.

– Господи! Куда теперь? – спросил Петр.

– Туда, куда вы плыли, – в Гадару, – ответил Иисус.

– Ты и это знаешь, Господи! – удивился Петр. – Но... они же нас выгнали?

– Теперь примут, – был ответ.

И ученики без лишних слов налегли на весла.

Солнце поднялось высоко, когда они приплыли в Гадаринскую окрестность. Их встретили на берегу жители Гадары как самих долгожданных гостей. Ученики были поражены, еще слишком уж живо было воспоминание о том, как эти люди вышли на них с палками.

– И тут, выходит, я усомнился, маловерный, – сам себе весело сказал Петр. – Как же это?

А всё оказалось просто. Жители Гадары жили в постоянном страхе, даже стражники боялись лишней раз открыть ворота, чтобы как-нибудь те двое сумасшедших не проникли в город. Как только рождается страх, он распространяется на всё. Мало было жителям Гадары двух сумасшедших, так теперь еще и бесы будут бегать по окрестности. Ранним утром стражники с башни западных ворот города увидели двух голых людей, прикрывших свои срамные места зелеными ветками. Они просились в город и утверждали, что они его жители и здесь живут их родные, и, чтобы их все-таки впустили, наговорили стражникам о своем страхе перед пришедшими волхвами, покорителями бесов. И их впустили. А слух о бесах распространился в городе в самое короткое время. Люди взволновались и вооружились, чем могли. Затем, прогнав «волхвов», они успокоились и заметили, что окрестность больше не оглашается дикими криками. По указаниям стражников были найдены и те двое. Их и родных их обо всем подробно расспросили и узнали, что не было никаких «вождей бесов», а были люди, которые смогли исцелить этих двух сумасшедших и, таким образом, освободить всю окрестность от постоянного страха. «Уж не пророк ли какой приходил?» – тут же возникла у многих мысль. А тут еще и весть из Капернаума подоспела о многочисленных исцелениях. Вот почему и встретили гадаряне Иисуса и учеников Его с ликованием.

А Петр всё дивился такой перемене в настроении гадарян, но вывод сделал:

– Всё, что говоришь Ты, Господи, истина.

Глава 7. Господь

Третьего дня Иисус сказал Своим ученикам, чтобы они называли Его просто по имени, но уже через час они все стали называть Его Учителем, а через тридцать шесть часов они вслед за Петром стали обращаться к Нему: «Господи». Иисус не смог скрыть Свою Божественную природу, как солнце не может скрыть свой свет. Как солнце встает над землей и все живое, имеющее зрение, видит его свет, а растения чувствуют его свет и тянутся к нему, так и Иисус, как только пошел в мир, все, имеющее *зрение*, увидело Благодать – Божественный Свет, исходящий от всей Его личности. Даже исцеления не удалось совершать втайне. Были случайные свидетели, как тот кентурион, у исцеленных были родные и знакомцы и т.д., и т.д. Люди подходили к Иисусу, и Он тут же приходил к ним на помощь, можно даже сказать, бросался помочь каждому, кто Его об этом попросит. Да даже не попросит: ведь не просили есть вифсаидяне, слушающие Его у холма. Ему стало жалко проголодавшихся людей, и Он преломил имеющиеся два хлеба. И был доволен, когда они все – тысячи – насытились и еще много еды у них осталось. Правда, они соблазнились о Нем, и Ему пришлось незаметно уйти из тех мест.

Вот и теперь, как только Иисус и Его ученики вновь вошли в Капернаум. Его сразу же окружила толпа народа. Людей было так много, что стало ясно, как здесь много людей, прослышавших об Иисусе и пришедших в Капернаум – Его город – из других городов и селений Галилеи, Переи и Десятиградия. Были здесь и встревоженные народным энтузиазмом служители синагог и книжники, сновал в толпе и тот священник, которому уже «посчастливилось» побеседовать с Иисусом и который заверял других служителей, что «это очень опасный Человек: Сам язычник, а суется в дела нашей иудейской веры».

Иисус исцелял прибывших в Капернаум больных и увечных. А уже ближе полудню, когда к Нему поднесли одного расслабленного, Иисус вдруг сказал ему:

– Прощаются тебе грехи твои.

Служители синагог и книжники, до сих пор молчавшие, стали перешептываться.

– Он богохульствует. Кто смеет прощать грехи, кроме Бога. Он богохульствует.

Шепот их в толпе услышали. Люди терялись и настораживались. Обвинение было очень серьезное. Никому не хотелось, чтобы Иисуса обвинили в преступлении богохульства и закидали камнями, но также никому не хотелось быть исключенными из общины, так как это влекло за собой потерю имущества. Люди наклоняли головы и пытались затеряться в толпе, чтобы их не запомнили в лицо присутствующие здесь служители синагог.

– Почему вы мыслите худое в сердцах ваших? – обратился к служителям и книжникам Иисус. – Что легче сказать: «прощаются тебе грехи» или «встань и ходи»?

Книжники и служители молчали. Часто они говорили людям, приходившим в синагогу, если те приносили жертву, что им Бог прощает грех, а если не приносили жертву, что Бог еще «не простил грех». В вопросе Иисуса они усмотрели опасность для своего авторитета среди народа.

– Но чтобы вы знали, – продолжал Иисус, – что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, Я говорю: «Встань, возьми постель свою и иди в дом твой».

Расслабленный встал, взял свою постель и пошел, пройдя совсем близко от книжников и служителей. Некоторые, видевшие это, в душе посмеивались над посрамленными служителями, но в основном народ был в восхищении и кричал:

– Слава, слава нашему Богу! Слава нашему Богу, давшему такую власть человекам!

Книжники и служители молчали, понимая, что в эту минуту молчание самая лучшая тактика. А маленький священник несколько затравленно огляделся вокруг и медленно побрел к синагоге.

Иисус отпустил Своих учеников, чтобы они повидались с домашними своими, и сказал им, что через два часа Он ждет их возле известной в городе старой-престарой смоковницы. Сам Иисус пошел в центр города, где располагалась городская площадь.

Через два часа первыми на место встречи пришли сыны Зеведеевы. Беглого взгляда на них было достаточно, чтобы заметить их взволнованность и раздражительность. Вскоре подошли и Петр с Андреем. Петр шел очень довольный и нес под мышкой какой-то огромный закрытый сосуд, но нес его легко, словно сосуд ничего не весил; Андрей чему-то смеялся и что-то рассказывал Петру, а тот хитро улыбался. Не успели сыны Ионы и сыны Зеведеевы обменяться между собой и словом, как со стороны центральных улиц подошел Иисус, но не один, а в сопровождении толстого круглолицего молодого человека с темными волосами и бородой. Так как в Капернауме все всех знали, то Петр, взглядевшись в спутника Иисуса, воскликнул:

– Никак это Левий Матфей, мытарь! Вглядишься, Андрей, это он? Глаза меня не обманывают?

– Не обманывают, – сказал Андрей.

– И ты с нами, Матфей? – сказал ему Петр, думая, что говорит тихо. – Помнишь, какое скверное вино мы пили у Самуила десять дней тому назад?

– Конечно, помню. Меня всю ночь потом тошнило, – ответил смущенный Матфей. – Но теперь у меня есть чудесное вино, Петр, десятилетнее, купил у Вениамина в Тивериаде.

– Ну, Вениамин – другое дело! – воскликнул Петр и добавил чуть тише: – Но врет он, что десятилетнее, два года – не больше.

– Прошу Учителя и вас всех посетить мой дом, – сказал Матфей громко, – если не побрезгуете домом и угощением мытаря.

– Побрезгует?! – воскликнул Петр. – Вот ты сказал! То ли мы с тобой не пили! И знаешь, я еще Филиппа позову. – И дружески похлопал Матфея по круглому мощному плечу.

Матфей, привыкший к ежедневным многократным оскорблениям со стороны книжников и служителей синагог, несколько боялся, что ученики будут относиться к нему с предубеждением из-за его, теперь уже бывшего, занятия. Одно дело находиться в заведении Самуила, где все навеселе и готовы целовать и врагов своих, называя их братьями, другое дело – стать учеником Пророка и стать братом другим Его ученикам, которые знали его как сборщика подати в пользу римского кесаря. Конечно, Петр очень добрый человек да и брат его Андрей – человек широких взглядов, но вот красавцы сыны Зеведея стоят в стороне, молчат и отворачиваются.

А молчали они и отворачивались совсем по другой причине. Волновавшаяся с того самого часа, когда Зеведей пришел с моря один, Саломея встретила сынов слезами и упреками. Она никаких объяснений не хотела слушать и твердила только одно: чтобы они остались и, как все люди, завели свои семьи. Иоанн совсем не думал о женитьбе. Одно дело повеселиться с девушками вечером, рассказать им что-то умное или забавное, совсем другое дело взять на себя ответственность и стать отцом семейства. У Иакова, хотя он и говорил родителям о женитьбе, были свои на то причины. Теперь же и он мыслил о женитьбе с отвращением. Поэтому, прослышав о внуках, они оба, будучи характерами несдержанными, вспылили и наговорили матери всяких грубостей. Особенно отличился по-отрочески горячий Иоанн. Затем оба ушли из дому, оставив мать в обиде и слезах.

Вот почему, когда подошел Иисус, оба брата вдруг залились краской до самых корней темных волос и опустили глаза, хотя Иисус им не сказал ни слова, лишь взглянул на них.

Дав возможность наговориться Петру и Матфею, Иисус сказал тихо и ласково, обращаясь ко всем ученикам:

– Идемте к Матфею. Нам немного нужно задержаться в Капернауме. Затем пойдем в Тивериаду.

У Матфея был небольшой, аккуратный домик в три комнаты, окруженный старыми смоковницами. Слепая стена дома, обращенная на улицу, была вся увита виноградом. Виноград

вился также по деревянному навесу, установленному на уровне крыши дома. Во дворе у Матфея было шумно, к нему пришли товарищи по ремеслу. Каждый захватил с собой некоторое количество вина и еды. Окончив свою работу, они пришли к Матфею и ожидали его под навесом в тени виноградника, шумно беседуя.

– А вот и Матфей! – крикнул кто-то из них и запнулся. Тут все ожидавшие хозяина увидели Иисуса и Его учеников. Все они узнали Великого Учителя и были удивлены, что Он пришел в дом одного из «грешников-мытарей». Но вскоре нашлись и приветствовали Иисуса и Его учеников. Матфей, как хозяин дома, приветствовал Учителя и новых братьев по обычаю.

Гостей у Матфея было так много, что в доме не хватало для всех места. Тогда решили вынести столы и лавы в сад и расположились среди смоковниц. Пока возились с обстановкой, Петр, оставивший один сосуд на столе, пошел куда-то и вернулся еще с двумя такими же сосудами, в одном из которых было вино, а в другом – мед, да еще и привел с собой Филиппа, как обещал, сильного, мощного, как и Петр, высокого молодого шатена. С ними вернулись и сияющие братья – Иаков и Иоанн. Дело в том, что они, когда начались только приготовления в доме Матфея, подошли к Иисусу и сказали:

– Позволь нам, Господи, пойти домой. Мы с матерью были грубы и теперь тяжело у нас на сердце.

– Идите, – улыбнулся им Иисус.

Во второй раз Саломея сыновьям все, конечно, простила и отпустила их идти по дорогам Галилеи. Вот почему они и вошли довольные и счастливые.

Еще не сели за стол, как проходившие мимо ограды двое книжников заметили Иисуса и Его учеников в обществе мытарей. Они остановились и крикнули:

– Зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Ты, Врач и Пророк, как Ты мог войти в дом мытаря, чтобы разделить с ним его трапезу?

– Снова вы мыслите худое, – ответил кротко Иисус. – Не здоровые нуждаются во врачах, а больные. Пойдите, научитесь тому, что значит: «милости хочу, а не жертвы». Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию.

– Хорошо покаяние! – возмутились они далее. – Теперь следует поститься. А Твои ученики не постятся, а едят и пьют!

– Можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но *если* придут дни, когда отнимется у них жених, тогда в те дни они будут поститься. Никто не представляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой одежды, а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка от новой. И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие, а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут. Молодое вино должно вливать в мехи новые, тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорят, старое лучше.

Книжники хорошо поняли эти образы и ничего не смогли сказать в ответ; они стали проталкиваться сквозь толпу, образовавшуюся во время этого разговора. Некоторые люди искали Иисуса, чтобы исцелиться (они только что прибыли в Капернаум из других городов), а другие просто были привлечены криками книжников и остановились послушать из любопытства.

Пробивая себе дорогу сквозь толпу, книжники вдруг увидели начальника местной синагоги Иаира. Они переглянулись и остановились посмотреть, что будет дальше. Иаир был очень расстроен и взволнован. Было видно, что он выбежал из своего дома в чем был, волосы его были всклокочены. Он подошел к Иисусу и упал Ему в ноги. Слезы потекли по его бледным запавшим щекам.

– Дочь моя умирает, – сказал он тихо и страшно. – Приди, возложи руки Свои на нее, и она будет жива.

– Он безумец, – сказал один книжник другому.

– Я иду к тебе, Иаир, – сказал Иисус.

За Иисусом и Иаиром последовали ученики и люди, свидетели просьбы начальника синагоги.

Из переулка на улицу вышли две женщины, одна молодая, другая намного старше. Вторая женщина опиралась на руку молодой.

– Мама, ты устала, – сказала молодая. – Мы два часа блуждали улицами города, пока искали Великого Врача. Отдохни. Видишь, Он пока занят.

– Рахиль, я ведь проделала такой путь из Афека. Двенадцать лет я страдаю кровотечением. Нет, я не буду отдыхать. Я не потревожу Великого Врача, я лишь прикоснусь к Его одежде и стану здоровой; я верю в это. Помоги мне, Рахиль.

И обе женщины пошли за толпой и вскоре настигли ее.

Когда до дома Иаира оставалась одна улица, Иисус вдруг обернулся и улыбнулся старой женщине из Афека, которая прикоснулась к Его одежде.

– Дерзай, дочь! – сказал Он ей. – Вера твоя исцелила тебя.

– Господин, – в это время кто-то обратился к Иаиру. Это был его слуга. – Не утруждай Учителя. Я принес плохую весть.

Иаир пошатнулся, но устоял на ногах.

– Что? – хрипло спросил он.

– Дочь твоя... умерла.

Иаир стал совсем белым и как бы в одно мгновение похудел, силы ему изменили. Слуга подхватил его, чтобы он не упал на камни настила.

– Веруй, Иаир, – строго сказал Иисус. – И она спасена будет. Веди, – сказал Он слуге Иаира.

В дом вошли Иисус и Его ученики, Иаир и его слуга.

– Сюда, наверх, – указывал дорогу слуга.

В доме было тихо, слышался из дальней комнаты женский плач и завывания. В конце длинного коридора светлел дверной проем.

– Сюда, сюда, – указывал слуга.

Иисус и пришедшие с Ним вошли наконец в комнату, где на ложе лежала маленькая покойница. У ложа на коленях стояла мать девочки; она прижалась щекой к холодной руке дочери, она не двигалась, она не плакала, она была бледна так же, как ее мертвое дитя, а страшно открытые глаза ее неподвижно глядели в пустоту. Тут же у ложа уже стояли и приглашенные кем-то плакальщицы в черных изодранных одеждах. Они в голос завывали.

– Зачем плакальщицы? – сердился Иаир. – Моя дочь уснула, она не умерла.

– Выйдите все, оставьте Меня одного с нею, – сказал Иисус, посмотрев на девочку.

Плакальщицы тут же прекратили плач и тихо вышли. Слуга увел Иаира. Тогда Петр подошел к матери девочки, чтобы помочь ей подняться и выйти из комнаты. Женщина пошевелилась и тихо сказала:

– Кто смеет смеяться над горем матери?

– Я помогу тебе, жено, – сказал Петр.

– Что? – спросила она. С трудом понимала она происходящее; она с удивлением поглядела на Петра. – Кто ты?

– Надо выйти, – сказал растерявшийся Петр.

Женщина вскрикнула и с громкими рыданиями упала на грудь девочки.

– Не пущу! – кричала она. – Не отдам!

На глазах Иисуса выступили слезы. Иаков пришел на помощь Петру, и они вдвоем, подхватив ее под обе руки, кое-как вывели ее, хотя она билась и кричала:

– Пустите! Не отдам!..

Когда все вышли, Иисус подошел к девочке. Длинные черные ресницы ее отбрасывали тень на ее белые худые щечки, а еще недавно розовые губы были бледны. И если бы не эта

мертвенная бледность, действительно, можно было подумать, что ребенок просто уснул. Иисус взял ее правую руку и сказал тихо:

– Девица, проснись!

Краска мгновенно вернулась в ее лицо: заалели губы, появился румянец на щеках. Длинные ресницы дрогнули и она открыла глаза.

Увидев Иисуса, она спросила:

– А где мама?.. Ты Бог?

При звуке ее голоса комната тут же наполнилась людьми. Иисус отошел от ложа, уступая место матери девочки. Она бросилась целовать свою дочь и, как безумная, одновременно рыдала и смеялась.

– Я знала, знала, что ты не умерла, мое солнышко, моя радость!

Иаир, все еще бледный, стоял некоторое время прислонившись к стене. Видно было, что он сильно ослаб.

Пораженные ученики Иисуса остановились у входа в комнату.

Иаир наконец нашел в себе силы подойти к Иисусу. Он буквально рухнул Ему в ноги, склонился низко, почти касался он лбом своим пола. Иисус помог подняться ему.

– Как, как мне Тебя отблагодарить, Великий Человек! – Затем он повернул искаженное сильной радостью, дрожащее лицо к жене и сказал ей:

– Жена, благодари этого Человека. Он – наш Спаситель!

Женщина бросилась благодарить Иисуса.

– Благодарите не Меня, – ласково сказал Иисус. – Это Отец наш Небесный дал жизнь вашей дочери.

– Сегодня же принесу жертву Господу нашему! Эй, – крикнул он слугам, – приготовьте для жертвы овец.

– Не надо, Иаир, – тихо сказал Иисус. – Отцу нашему Небесному не нужны жертвы. Ему не нужны ни смерть твоей дочери, ни смерть невинных животных, Ему лишь нужно, чтобы *все Его дети пребывали в радости и счастье*. Он возвратил жизнь твоей дочери, так не отними жизнь у подвластных тебе животных. Тем ты и отблаговаришь Отца нашего Небесного.

– Все сделаю, как Ты говоришь. Не надо жертв, – крикнул он слугам. – Отныне всякая жизнь для меня священна. Это обещает Иаир, начальник синагоги, которому Бог вернул дочь. Отныне в нашей синагоге не будет литься кровь.

Петр первым выбежал во двор и ошалело закричал ожидавшему народу:

– Девица здорова. Смеется, попросила есть! – Его шатало от сильного волнения. – Слава, слава Богу, Сущему в Небесах! – закричал он, и его славословие подхватили в народе:

– Слава, слава Богу, давшего такую власть человекам!

На следующее утро Иисус и ученики Его отправились в Тивериаду.

О Тивериада, Вифсаида, Магдала, Мадон, Геннисарет, Хоразин, Давраф, Наин, Кана, Ефраим, Сихем, гордый Иерусалим и многие, многие города и селения земли Ханаанской! Радуйтесь, ибо к вам пришел Сын Божий, наш Господь! Только те, кто страдали, поймут радость сию. Радуйся, Земля! Радуйтесь, народы! Слышите, как торжественно и радостно поют песни Ангелы? Радуйтесь все, все! Ликуй, Земля!

И было собрание множества народа.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное, – говорил Иисус. Люди сидели на склоне горы и у подножия ее не шевелясь, как бы боясь каким-нибудь движением своим помешать Учителю. – Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими. Блаженны изгнанные за правду,

ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попираание людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы видели они ваши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного. Вы слышали, что сказано древним: «Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я вам говорю: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий, ни землею, потому что она подножие ног Его, ни головою твоею, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет».

Вы слышали, что сказано: «око за око, зуб за зуб». А Я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я вам говорю: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.

Да будьте детьми Отца нашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный.

Не придет Царствие Небесное приметным образом, и не скажут: «Вот оно здесь» или «Вот там». Ибо вот, Царствие Небесное внутри вас есть.

Вы спрашиваете чему подобно Царствие Небесное и чему уподоблю его?

Царствие Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастает, бывает деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

Еще подобно Оно закваске, которую женщина, взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все.

Еще подобно Царствие Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое найдя человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет и покупает поле то.

Еще подобно Царствие Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел и купил ее.

Вы спрашиваете чему подобно слово Божие и чему уподоблю его?

Слово Божие подобно семени, которое сеятель сеет на поле своем. И когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его. А иное упало на камень и взойдя засохло, потому что не имело влаги. А иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его. А иное упало на добрую землю и взойдя принесло плод сторичный.

Вы спрашиваете, что значит притча эта?

Упадшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись.

Упадшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают.

Упадшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода.

А упадшее на добрую землю, это те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении.

Не плачьте, когда врагами разрушены храмы и истреблены их священные сосуды. Бог не имел в виду храмов, построенных руками человека, но понимал под ними сердца людей,

которые представляют истинный храм Божий. Войдите в ваш храм, в ваше сердце, озарите его добрыми мыслями, терпением и упованиями непоколебимыми, которые вы должны иметь к вашему Отцу. И ваши священные сосуды – это ваши руки и глаза; думайте и делайте приятное Богу, ибо делая добро своему ближнему, вы исполняете обряд, украшающий храм, обитель Того, Кто дал вам день. Бог сотворил вас по Своему подобию, невинных, с чистой душой, наполнил добротой, предназначил быть не местом зарождения злых намерений, а святилищем любви и справедливости. Не оскверняйте же вашего сердца, говорю Я вам, ибо Вечное Существо постоянно в нем обитает. Если вы хотите совершать дела, отмеченные благочестием или любовью, делайте их со щедрым сердцем, и ни одно ваше действие да не будет исходить из надежды на прибыль и торгового расчета. Такого рода дела не приблизят вас к спасению, а доведут до нравственного падения, при котором воровство, ложь и убийство считаются отважными действиями.

Так придите ко Мне все изможденные и страждущие в раздоре и несчастье! Ибо мир Мой даст силу вам и утешит вас. Ибо мир Мой переполнен радостью. Потому Я всегда так приветствую вас: «Да будет мир вам!». И вы приветствуйте так друг друга, чтобы в тело ваше мог снизойти мир вашей Матери-Земли, а на дух ваш мир Отца Небесного. И тогда вы обретете мир и меж собой, ибо *Царствие Бога в вас*. А сейчас возвращайтесь к вашим братьям, с которыми вы доселе были в разладе, и дарите им также ваш мир. Ибо счастливы, кто стремится к миру, ибо обретут они мир от Бога. Идите и не грешите более. И дарите каждому мир свой, как Я подарил Свой Мир вам. Ибо Мир Мой есть Бог. Да будет мир вам!».*

*[Мат. 5, 3-16; Мат. 5, 33-45; Мат. 5, 48; Лук. 17, 20,21; Мат. 13, 31-33; Мат. 13, 44-46; Лук. 8, 5-8; Лук. 8, 11-15; Тибет. Ев. 9, 10-17; Ев. От ессеев.]

Глава 8. За чашею вина

Поздно вечером во вторник накануне пасхи иудейской, приходившейся в этом году на четверг, в трапезной в доме бывшего первосвященника Анны в Иерусалиме находились двое: сам хозяин дома – маленький сухонький старичок Анна, одетый попросту, по-домашнему, и его зять Иосиф Каиафа, ныне действующий первосвященник, – огромный, нестарый мужчина с длинною черною бородою, облаченный в эфод, но бывший без головного убора. На коротких толстых пальцах последнего были большие перстни с разноцветными сверкающими камнями, которые вызывали на тонких длинных бесцветных губах Анны ироническую усмешку. Ни музыкантов, ни рабынь, ни слуг не было в комнате, но чувствовалось, что несколько минут назад здесь была вся многочисленная семья Анны, играла музыка, суетились слуги, подавая закуски и вино. Но теперь домашние Анны ушли; стол обновлен яствами, новое вино принесено из погребов, разлито по чашам, а незаметные, точные, молчаливые слуги неслышно удалились. Все двери заперты, за окнами черная ночь, а в комнате светло от множества светильников, и сверкают, дробясь разноцветными искрами, камни в перстнях Каиафы. Анна был скромн: на нем не было ни одного украшения и одет он был в простой таллиф, но пил вино из золотой чаши, украшенной крупными кровавыми рубинами. Анна держал чашу в руках, ни на мгновение не выпускал ее из рук, любуясь ею, и пил вино маленькими глоточками, смакуя его. Это была та самая чаша, которую Анне недавно подарил при вступлении своем в должность прокуратора иудейского Понтий Пилат. Подарок этот должен был стать символом сотрудничества и мирного сосуществования римских властей и синедриона, хотя на самом деле Анна и Пилат с первого же взгляда не понравились друг другу и с каждым днем неприязнь росла между ними, доходя до ненависти, а в иные минуты даже до отвращения. Анне не нравился гордый, еще молодой и умный римлянин с выправкой легионера, с которым приходилось считаться и делить с ним власть над иудеями. Но еще более не нравилось Анне, что Пилат был из рода эквитесов (всадников), – так называли в Риме кельтских и сарматских аристократов. Пилату же был просто лично неприятен маленький, сморщенный, лысый, хитрый Анна, который лишь формально отошел от дел, но которому на самом деле принадлежала высшая религиозная власть в Иудее и который не брезгал никакими средствами и методами в достижении своих целей.

Анна очень дорожил этой чашей в кровавых рубинах и пил вино только из нее, до того любил он эту чашу. И любил он ее потому, что для него она была не символом сотрудничества, а наоборот, – символом вражды. Она напоминала ему о надменном римлянине и, может быть, в ту минуту, когда он отпивал из нее красное виноградное вино, он воображал, что пьет самое кровь своего врага. «Всегда нужно помнить о враге», – любил говорить Анна.

Каиафе бросилась в глаза игра огней в красных рубинах, и перед ним мелькнул образ Понтия Пилата и тотчас погас.

Каиафа нервничал, ему не сиделось. Не хотелось ни пить, ни есть. Он встал и несколько раз прошелся от стола к окну и обратно. Анна наблюдал Каиафу и пил вино, причмокивая вялыми бесцветными губами, чтобы тоньше распробовать вкус вина и уже в который раз подносил чашу к своему маленькому крючковатому носу, чтобы еще раз ощутить его аромат.

– Превосходное вино. Сорок лет тому назад хороший урожай винограда был в долине Изреельской, – первым заговорил Анна. – Каиафа, как ты находишь вино?

– Что? – Каиафа был задумчив. – А? Вино? Мне больше нравится «Фалерно».

– Любимое вино римских кесарей? – усмехнулся Анна.

Каиафа вздрогнул и остановился. Анна недолюбливал римлян, вернее, ненавидел их, и было неосторожностью со стороны Каиафы, который всеми силами старался расположить к себе старого бывшего первосвященника, этого хитрого, всех подозревающего старца, своего

тестя обмолвиться в его присутствии о том, что Каиафе нравится что-нибудь римское. Так думал Каиафа. Он всегда мечтал о первосвященническом месте, но с тех пор, как Иудея лишилась своего царя – Архелай, сын Ирода Великого, был лишен трона еще императором Августом и отправлен в изгнание – она, Самария и Идумея были присоединены к римской провинции Сирии; в Иудее появилась должность прокуратора (по-еврейски – игемона), а должность первосвященника стала как бы выборной. И прокуратор, и первосвященник подчинены были императорскому легату в Сирии, который и назначал на эти должности, кого хотел, дав предварительно императору лестную характеристику очередной кандидатуре. Таким образом, Каиафе приходилось угождать и Анне, так как именно из его рода назначались первосвященники, и римлянам – легату и прокуратору, так как первый обладал властью назначать первосвященников, а второй мог написать на него жалобу легату или самому императору. Тиверий же был непостоянен, капризен, подозрителен, а потому и доверчив к доносам и даже к анонимкам. Именно он на четвертом году своего правления одним своим истерическим словом лишил Анну формальной власти. Каиафа, благодаря своей услужливости, умению угождать и нашим и нашим, удерживал эту должность за собой уже несколько лет и, конечно, терять ее не собирался. Не для того он стал зятем Анны, старался поддерживать хорошие отношения с Валерием Графом, а теперь с Пилатом и столько лет льстил императорскому наместнику в Сирии Люцию Виттелию!

Теперь Анна уже любовался Каиафой, этим огромным детиной, склонного к истерике всякий раз, как только мелькнет перед ним опасность – настоящая или мнимая – потерять первосвященническое место. То, что Каиафа всячески угождал римлянам да и по своему внутреннему убеждению склонен был считать, что римляне несут высокую культуру иудеям и старался им подражать в некоторых мелочах, для Анны не было тайной. Каиафа был слишком труслив, чтобы нанести какой-нибудь вред Анне и его семье своими увлечениями, тем более, что Анна и меры предпринял, сумев поставить своего зятя по отношению к себе раз и навсегда в положение подчиненное, зависимое, несамостоятельное.

Но Каиафа не на шутку испугался, что теперь потеряет доверие Анны. Хотя он тревожился напрасно: уж что-что, а доверие никогда не было в числе недостатков Анны. Тот никому не доверял, но поиграть в доверие любил.

– Каиафа, разве я против фалернского? – сказала Анна. – Что плохого в том, что ты предпочитаешь вино римлян? Посмотри на стол: вот устрицы из Бретонии, дыни из Египта, ливийские приправы к мясу. А этот прекрасно зажаренный моим поваром ягненок питался сочными травами галилейских долин, поэтому его мясо так мягко, нежно и сладко. Если мой зять предпочитает «Фалерно», то вот сосуд с вином. Наполни свою чашу. Не будем же мы призывать сюда слуг. Ведь наш разговор очень важен, не правда ли?

Каиафа был смущен. Он большими шагами подошел к столу, взял свою чашу, но не успел еще отпить и глотка, как его рука дрогнула и галилейское [Изреельская долина находится в Галилее. – В.Б.] вино пролилось на его эфод. Он шепотом выругался, посмотрел с досадой и некоторым сожалением на свою испорченную одежду и отпил немного вина.

– Да, прекрасное вино, даже лучше «Фалерно», – без энтузиазма сказал он.

Каиафа возлег. Он вдруг как-то обессилел.

– Вот видишь, мой милый зять, – рассмеялась Анна, – дело не в названии вина. Главное для вина из какого винограда оно сделано, способ приготовления и его возраст.

Намек был настолько прозрачным, что Каиафа сразу его понял и побледнел.

– Ну-ну, мой милый, не обижайся. Так что ты мне приготовил? Какие факты? Что Он там натворил? Насколько Он опасен?

– Именно этого я и не могу понять, – сказал Каиафа. – Народ называет Его Мессией.

– Мало ли кто в Израиле называл или называет себя Мессией! – отмахнулся Анна. – У нас чуть ли не каждый третий объявляет себя Мессией. Я помню, при императоре Августе

сте был один Христос, тоже из Галилеи – Иуда Галилеянин. Тогда до бунта дело дошло. Бунт был подавлен императорским легатом Публием Сульпицием Квиринием и прокуратором Копонием, помнишь таких? Кажется, и теперь существует эта секта, основанная этим мессией, а? А Этот никак не связан с сектой Иуды?

– Н-нет, никаких нет сведений, что Он связан с этой сектой, – ответил Каиафа. – Хотя некоторые Его ученики могли быть связаны когда-то с ней.

Каиафа взял один из принесенных им пергаментов и стал его просматривать, шурясь и водя кончиками толстых пальцев по строчкам.

– Вот нашел, – сказал он. – Есть у Него ученик Симон из Каны, так этот, возможно, входил в Иудину секту. Сам Иисус нигде и никогда не называл Себя Мессией. Так Его называет народ, вот где опасность...

Анна подал знак Каиафе, подняв указательный палец левой руки кверху, чтобы тот немного помолчал. Анна, закрыв манюсенькие глазки свои от наслаждения, медленно пережевывал кусочек жаренного ягненка, помазанного приправами и обильно политого лимонным соком. Каиафа покорился и замолчал: он очень нуждался в поддержке Анны.

– Это великолепно, – сказал наконец Анна, опуская руку. – Мой повар заслужил похвалу. Не правда ли, Каиафа?.. Да, этот Иисус умнее Иуды. А связи с сектой все-таки надо проверить. Хотя вряд ли. Но это один из путей... Римляне еще, надеюсь, помнят Иуду. Если связать этого Мессию с сектой, то синедрион будет в стороне. Его арест, казнь или убийство не должны быть связаны с судилищем, иначе народ может восстать против власти синедриона, вступаясь за этого Мессию. Мы не должны допустить той же ошибки, которую совершили эти глупые бабы в деле Иоанна Крестителя. Что о Нем известно? Скажи все, что знаешь.

Каиафа придвинул все пергаменты к себе, чтобы в нужных местах своего рассказа освежать по записям свою память, и начал так:

– Стало известно, что Он из Галилеи, из города Назарета, сын некоего плотника Иосифа и какой-то Марии. Но родился Он будто бы в Вифлееме...

– Погоди, мой милый, – сказала Анна, взяв из блюда устрицу. – Известно, что Он хорошо знает Закон и пророков иудейских и вдруг – сын плотника?.. Да еще галилеянин, выходит – язычник? Он, что ли, из тех новых иудеев, которые приняли иудейскую веру?

– Да, знает Закон, – подтвердил Каиафа. – Знает так хорошо, что целыми кусками цитирует Священное Писание по памяти и ни разу не ошибся ни в одном слове. Служители синагог по книгам тут же, на месте, проверяли. Галилея – страна языческая, но ходят слухи, что покойный Иосиф-плотник был иудеем, а еще ходят слухи, – Каиафа понизил свой голос до шепота, – что Он не сын плотника.

– А кого же? – заинтересовался Анна.

– Слухи разные, не подтвержденные, – так же тихо сказал Каиафа.

– Говори всё.

– По одним слухам, Он сын римского солдата некоего Пантера, сирийца.

– Хорошо. Это может пригодиться, – сказал Анна. – Дальше.

– По другим... – Каиафа запнулся. – Он – Сын Божий.

– Что-что?..

Анна и Каиафа некоторое время молча смотрели друг другу в глаза. Тишина звенела в их ушах.

– Говорят многое, – продолжал торопливым, несколько испуганным шепотом Каиафа, – что Он – Илия воскресший или Иоанн Креститель или пророк Иеремия...

– Ну, все это чепуха, – сказал Анна, нахмурившись. – Мы – саддукеи, и все эти вымыслы о воскрешениях, о сынах Божиих... Нет, это чепуха, вздор. Это пусть фарисеи сомневаются. Это по их убеждениям. Здесь дело простое, природное. Если не этот плотник Его отец, то либо

этот сириец, римский солдат, либо еще кто-нибудь. Но мне сириец больше нравится... Хотя это и не объясняет Его знания пророков.

– Говорят, что Он и есть Тот Сын Человеческий, о Котором писал пророк Даниил, что Ему дана власть, слава и царство.

– Власть и царство? – ухватился за эти слова Анна. – Постой, ты говорил, Он родился в Вифлееме?.. А не метит ли Он на опустевший престол? Для сына плотника это довольно дерзко и нахально.

– Есть такие слухи, что Он – потомок царя Давида, – сказал Каиафа. – И потому-то, видите ли, Он и родился в Вифлееме, что Бог указать хотел. Но Он никогда Сам не говорил об этом, и о Своем Рождении в Вифлееме не распространяется.

– Интересно! Да, Он, действительно, не сын плотника. Но кого же? Надо проверить, не приглянулась ли мать Его кому-нибудь из людей богатых, образованных? Какому-нибудь фарисею, а? Он знает Писание... Это бы объяснило... Хотя... римский солдат очень удобен.

– Хорошо, проверим.

– Ты, Каиафа, переоделся бы, что ли. А то – словно кровью обрызган, – вдруг брезгливо сказал Анна.

– Это всего лишь галилейское вино, – сказал удивленный Каиафа, но весь съежился и словно постарел. – Чтобы переодеться придется позвать слуг...

– Не обращай внимания, мой милый, – сказала Анна. – Я, видимо, очень устал в эти дни. Еще пасха эта...

У Каиафы потемнели глаза, губы его задрожали и он произнес:

– Это страшно сказать... – начал он нерешительно, но таинственно.

– Говори, говори, мой милый, нас никто не слышит, – ободрил его Анна и выпил глоточек вина.

– А вдруг Он действительно Мессия, Которого ждут? Ведь теперь семидесятая седьмина со времени восстановления Иерусалима. Пророк Даниил указал это время появления Христа Владыки. [Дан. 9, 25. – В.Б.]

Анна прямо и жестко взглянул на Каиафу, и тому показалось, что из маленьких черных глаз Анны полыхнуло огнем; он даже физически ощутил, будто чем-то острым ударили его в грудь. Но это лишь показалось. Анна снова шурился, пил вино, наслаждаясь напитком.

– Опасно то, что народ за Ним идет, народ темен, невежественен, – сказал смущенный и немного сбившийся Каиафа.

– Он в самом деле исцеляет больных, воскрешает мертвых? – с усмешкой спросил Анна. – В чем заключается эта комедия? Как Он мошенничает?

– Если Он – мошенник, то весьма искусный, – сказал Каиафа. Он поднялся с ложа и стал расхаживать по комнате, то ли для того, чтобы размять затекшие ноги, то ли под воздействием мучившей его мысли. На его лысеющем лбу отсвечивали блики огня, и Анна некоторое время был прикован взглядом к этим бликам. – Он лишь касается больного или мертвого Своей рукой. Больной тут же выздоравливает, а покойник встает – жив, здоров, словно смеется над нами. Это проверяли. Больные действительно были больны, у них и свидетели есть, и что обидно – надежные. Относительно же покойников – то хотя мы, саддукеи, и не верим в воскресение... Да вот, в Наине. Уже вынесли покойника – какого-то мальчишку, чтобы нести его к месту погребения, а этот Иисус остановил похороны, и мальчишка встал, как ни в чем не бывало. Свидетели – наши люди. В Капернауме настолько плохо обстоят дела, что этот город уже называют Его городом. А после воскрешения дочери местного начальника синагоги, сей последний совсем с ума сошел. Он закрыл жертвенник! Пришлось снять его с должности. Мир перевернулся. Я не понимаю этого! – вскричал Каиафа, и в отчаянии снова возлег напротив возлежащего тестя.

– Вздор, мой милый: мир не перевернулся. Мир такой же, каким создал его Бог Яхве за шесть дней. Он его создал, Ева, прародительница наша, сглупила, вот с тех пор мир и не менялся и не переворачивался, лишь одежда на телах наших изменилась да жить мы стали удобнее: не в райских садах, хе-хе, не в хижинах, а уже и дворцы себе можем позволить. Пей вино, Каиафа. Ты очень бледен. Или налей себе «Фалерно», – усмехнулся Анна.

Анна уже во второй раз позволил себе намекнуть на то, что должность Каиафы – пустая формальность, и самолюбивому первосвященнику снова стало немного не по себе, что, вероятно, опять отразилось на его лице, потому что Анна шире раздвинул в усмешке свои длинные тонкие губы и сказал:

– Ты очень волнуешься, Каиафа. Первосвященник должен быть всегда спокоен. Пей вино!.. Ну что там еще натворил этот Мессия? Почему столько шума в Иерусалиме из-за одного проходимца?

– Он еще до Иерусалима натворил, – немного сбивчиво начал Каиафа, но потом поправился и стал говорить ровнее, вполголоса: – А в Иерусалим вошел и начал сразу со скандала. Торговцы толпами идут жаловаться в синедрион. Говорят, Храм грозился разрушить, если они не уберутся, а некоторые говорят, что чуть ли бичом их не избил. Бунт, не иначе. Столы опрокинул, деньги рассыпал. Скот ревет, а торговцы и слов лишились: глаза закрыли, уши заткнули и бегом из Храма. Кто по дороге опомнился, а кто уже и дома у себя. Жалобы, свидетели. Такой гам, что я велел уже никого не пускать.

– Как интересно! – сказал Анна.

Вино красное, как кровь, отразило огонь светильников, и Каиафа, взяв чашу, выпил его залпом.

– Вот и хорошо, – одобрил Анна, наблюдавший за действиями Каиафы.

– Не успел утихнуть этот скандал, так Он пошел в купальню Вифезда, где источник целебный, в этот «дом милосердия», и там чуть ли не всех исцелил. Владелец купальни потерпел убытки, тоже жалоба от него. Потом у этого Иисуса так закружилась голова от успеха, что Он пошел еще и в купальню Силоам. И от владельца этой купальни есть жалоба. Там Он исцелил одного слепорожденного. Тот прозрел, теперь стал зрячим и наглым в придачу. Его взяла храмовая стража. Начали допрашивать – а он в крик. Родителей его допросили, свидетелей – соседей, и в купальне он известен. Действительно, он слепорожденный. А этот слепорожденный так раскричался, что его чуть ли не палками выгнали на улицу, а он и там еще возмущался. Мол, он Его не видел, потому что, когда он умылся в купальне, как сказал ему Иисус, то Того уже поблизости не было, но если бы и видел, то все равно бы служителям Храма ничего не сказал, поскольку Иисус очень хороший человек, а мы все – доносчики и палачи. Так и сказал.

Анна, казалось, не обратил внимания на эти слова. Ни одна черта в его маленьком сморщенном лице не двинулась.

Каиафа, помолчав немного, продолжал:

– А вот еще: Иисус и ученики Его срывали колосья в субботу где-то в Галилее. Один из фарисеев сделал Ему замечание: мол, не благочестиво это. Так Иисус вспомнил Давида, как тот, когда взалкал, вошел в Храм и ел хлебы предложения, которые нельзя есть никому, так что и Ему и ученикам Его теперь позволено срывать колосья в субботу. Тут же добавил, что священники сами и едят хлебы предложения, и в храмах нарушают субботу, но считаются, по Закону, невиновными. А через полчаса после этого в синагоге взял и исцелил сухорукого. И всё это в субботу! Как только есть хоть малейшая возможность напасть на Закон, Он нападает, как лев на лань.

– А Его можно сравнить со львом?

– Я хотел сказать: как собака на кость, – поправился Каиафа.

– Ну-ну, ты уже уподобил Закон кости... Оставим уподобления. Каков Он из Себя? Стар или молод и-и-и... вообще?

– Я Его не видел, – продолжал Каиафа. – Говорят: молод, высок, строен, очень красив. Еще говорят: очень поражает.

– Плохо! – вздохнул Анна. – Человек опасный, это очевидно.

– Он опрокидывает Закон, учит народ обратному. Сам не моет рук Своих и посуды Своей, и других тому учит. Говорит: бойтесь грязи внутренней, а не внешней. При этом Он всегда чист, и одежды Его чисты, а благоухает Он так, что Ему завидуют хорошенькие женщины. Что это, как не колдовство, которое мы встречаем у недоразвитых народов?

– Очень плохо! А о подати Он что-то говорил?

– Вроде бы нет.

– Странно, если у Него такая сила, что Он нападает на Закон, а наш твердый, верующий народ всё же идет за Ним, а не прогоняет прочь, почему же тогда Он опасается римлян? Иуда Галилеянин восставал именно против римлян, но Закон он чтит. А Этот все делает наоборот.

– Народ не везде Его принимает. Он несколько раз уже приходил в Назарет, но Его и слушать там не хотят; из Гадары Его тоже сначала прогнали, но во второй раз, когда Он пришел в Гадару, Его приняли и Его словам поверили. Еще в нескольких селениях Его не приняли.

– Как долго Он занимается целительством да проповедями?

– Уже полгода. Он побывал во многих городах и селениях. Обошел всю Галилею, был в Десятиградии, в Перее, в Кесарии Филипповой. Он не был лишь в Идумее и Самарии. Вот на праздники пришел в Иерусалим и, вероятно, надеется обойти всю Иудею. В Иерусалиме Он всего пять дней, но познакомился уже со многими жителями других городов иудейских и, вероятно, что они пригласят Его погостить у себя.

– Где Он остановился?

– Его видели в шатрах паломников под городскими стенами, а также в Виффагии. В городе Он не ночевал.

– С Ним много людей, – учеников, что ли?

– Около сотни. Есть также женщины. Они пришли с Ним из Галилеи и других мест. Но когда Он появляется в городе, Его сопровождают несколько учеников, человек восемь-девять.

– Сила! – усмехнулся Анна. – Ну а как Его принимают вообще в городе: Им больше довольны или не довольны?

– Торговцы и менялы – в обиде, богатые люди – оскорблены; чернь лишь Его слушает, и то не вся. Мне думается, в городе не знают, Кто Он и какие планы у этого Иисуса. Его слова здесь, в великом городе Закона, непонятны и оскорбительны.

– Вот и хорошо. Значит, у нас еще есть время. Главное, синедрион должен быть ни в чем не замешан. Мы – за народ. Это наш девиз, который синедрион должен провозглашать на всех площадях, улицах и переулках. Поэтому нам нужно направить взор римских властей на этого проходимца, смущающего народ. Ты что думаешь делать с жалобами торговцев?

– Я думал дать им ход...

– Ни в коем случае, Каиафа, – предостерег его Анна и налил себе еще вина. Это уже была третья чаша, и Анна был воодушевлен; мелкие полупьяные глазки его горели коварством. В такие минуты, за чашею вина, он всегда обдумывал свои страшные планы, и эти планы были всегда удачны, что знал Каиафа. – Мы разговоры о разрушении Храма Ему простим. Пока. – Анна немного растягивал слова. – Торговцам пусть передадут, что они будут торговать как торговали, пусть не волнуются. Но несколько жалоб – а нам нужны только два свидетеля – отложи, тщательно отбирая людей. Выдели человек пять-шесть торговцев, это про запас. Хорошо надо изучить их: кто они, откуда, их знакомства, взгляды – всё.

– Неужели нужен такой тщательный отбор? Да любой торговец нам даст свидетельство, какое нужно и когда нужно!

– Не нам, а народу. Поэтому любой – не нужен, – внушительно сказал Анна. – Нужен такой, чтобы молчал до поры, а когда надо – говорил. И говорил то, что нужно. И верил в то, что он говорит.

– Если хорошо заплатить...

– Заплатить?! – перебил его Анна и еще раз насмешливо посмотрел на сверкающие перстни Каиафы. – Не торопись, мой милый, разбрасываться деньгами налево и направо. Они, то есть деньги, этого не любят. Уж лучше убить, когда он нам станет не нужен. Так дешевле и надежнее.

– Ты шутишь, Анна?

– Шучу? А когда сыновья Иакова за бесчестие их сестры Дины избили жителей Сихема, разве они не волю нашего Бога творили? А то ли – поруганная вера! Что больше, мой милый: чистота веры или честное имя девы?

– Одно дело приговорить к казни, отомстить, но просто убить? И причем свидетелей, а не виновного? – не понимал Каиафа. – Я просто хочу получше уяснить себе твою мысль, мудрый Анна.

– А мысль такова: ты должен подыскать надежных людей, которые и без всякой платы будут держать язык за зубами. Тот, кто продается, ненадежен, мой милый. Преданности, преданности ищи, Каиафа. Нужны свидетели, преданные Закону, для которых Закон – и отец и мать. Задача очень трудная, поскольку придется искать свидетелей среди торговцев и менял. Служителей же Храма не трогать! Даже привратников. Все служители синагог должны вести себя очень осторожно. Следить за Ним тихо и незаметно. Вопросы, которые Ему будут предлагать, не должны вызывать подозрений ни у Него, ни у народа, тщательно их отрабатывать. Сведения об Его ответах, словах, поступках собирать и тщательно изучать. Повторяю, молва народная не должна ни в коем случае связывать Его арест или убийство с синедрионом. Казнить Его должны римляне и наш народ, а отдать приказ о казни – Пилат, именно он. Но ни римляне, ни народ не должны ничего заподозрить. Тогда твое первосвященство, мой милый, будет защищено как бы толстыми крепостными стенами. Ты удержишься у власти еще многие и многие годы, а я тебе помогу.

Огромный Каиафа как бы весь уменьшился из почтительности, и он преданно во все глаза смотрел на своего тестя.

– Но как это сделать? Я не понимаю: Его поддерживает народ, Он даже у некоторых знатных людей в почете. Если Его казнят римляне, народ пойдет под римские мечи, чтобы защитить Его.

– Народ не пойдет под римские мечи, мой милый. Бунта не будет. Народ должен сам потребовать от римлян суда над Ним и казни Его.

– Но как это сделать?

– План пока сырой, приблизительный, – усмехнулся Анна. – Исходит он из такой мысли: если Его оплюет народ и потребует Ему казни, а римляне Его казнят, и синедрион окажется в стороне, то наша вера как истинная и справедливая восторжествует и воссияет с новой силой, а значит, и укрепится власть и значение синедриона в Иудее. В этом увидят перст Божий, указующий на единственно правильную, несправедливо поруганную веру и наказывающий лжепророка, самозванца, посмеявшегося в гордыне своей восстать на нее. Веру защитит сам народ, а римские власти выступят в качестве карающего меча в руках Божиих.

– Красиво! – задумчиво сказал Каиафа. – Но как подговорить народ и остаться при этом незамаранными? А римские власти никогда и не интересовались нашей верой. Им, выходит, не за что Его казнить. Пойдет ли Пилат на это?

– Так уж и не за что! – вновь усмехнулся хитрый Анна. – Но об этом – после. Подготовить народ трудно, но возможно. Нужно создать *определенное народное мнение*. А мнение таково: это не тот Мессия, Которого ждет народ. Настоящий Мессия, предсказанный пророками, еще

грядет для поддержания веры нашей (тут цитатки пропустить из пророков: мол, настоящий Мессия явится при таких-то и таких-то знамениях и должен сказать то-то и то-то; в этом книжники помогут), а Этот – обыкновенный проходимец, бродяга, смутьян, оборванец, фокусник из глупого Назарета, выросший в нищете, и поэтому очень любящий власть и деньги, но для видимости, чтобы одурачить наш доверчивый и искренний в своей вере народ, проповедует против государственной власти и богатства, а Сам прокладывает Себе дорогу к иудейскому престолу, чтобы, обладая властью и богатством, надругаться над верой и создать препятствия настоящему Мессии и таким образом погубить народ и его великую миссию, установив на земле власть дьявола через отрицание Закона. Религиозных фанатиков среди народа достаточно, они-то и подхватят этот слух и разнесут его среди народа. Они первые возмутятся. Пусть этот Иисус беспрепятственно ходит по всей Иудее, ибо чем известнее во всех землях становится Иисус, тем быстрее распространится и нужный нам, то есть народу, слух. Но, конечно, это дело не нескольких дней, сам понимаешь, мой милый. Но когда возникнет такое *мнение*, когда в каждом почти доме начнут думать и мучиться, Мессия Он или нет, тогда и время будет действовать, но опять же – тайно. Что же касается римских властей, то они превыше своей веры ставят государство. Государство – их Бог, помни это всегда, Каиафа. Вот зацепка. Вспомни, что Он говорил о государственной власти вообще? Нужны люди... хотя достаточно и одного человека, который предаст Его в руки римских властей как человека, посягающего на их владычество в Иудее и выступающего против государственной политики Рима и лично против кесаря Тиверия, потому-де Сам Иисус желает владычествовать в Иудее. Этот человек должен к нам не иметь никакого отношения и, желательно, чтобы он был из близкого окружения Иисуса: родственник, сосед, друг или, может, даже один из Его учеников. Тогда народ получит поддержку в своем возмущении, если этому Назаретянину не верят даже близкие Его. У нас еще есть время. Нужно ждать благоприятного случая, когда найдется такой человек, и тайно подготавливать народ.

А теперь иди отдыхать. Слуги тебе уже приготовили комнату. Но завтра мне предоставишь план твоих действий по этому делу. Впредь во всем, что касается этого Галилеянина, советуйся со мной лично. Другим же не говори ни слова, даже своей жене, – усмехнулся Анна.

Глава 9. «Кто Он?»

Великий город Иерусалим вырос на почве не благодатной: в каменистой местности Иудеи, бедной растительностью, среди гор и безводных долин. Его бедные кварталы и вовсе были лишены зелени. Из серого, грубо обработанного камня, имеющегося в тех местах в изобилии, были выстроены лачуги бедного люда. Эти серые, унылые кварталы с узкими проходами, называемыми словно в насмешку улицами, не были украшены даже чахлым деревцом. Немного чище, аккуратней и веселее выглядел Греческий квартал, где жили потомки некогда переселившихся сюда мелких греческих торговцев. Греческие лавки, в которых продавались расписная посуда, пестрые ткани и ковры, были окружены палисадниками, где пытались выжить два-три измученных деревца, а на грядках даже были цветы из наиболее непривередливых и живучих. Слишком уж плоха была почва, на которой был расположен великий город. Тем не менее все пространство от дворца Ирода Великого до высокой каменной ограды было залито великолепным, буйным, радующим глаз, зеленым морем. Шум тихо и затейливо поющих фонтанов, щебетание птиц в ветвях деревьев и кустарников, освежающее дыхание прудов довершали картину. В саду Иродова дворца росли фиговые деревья, низкорослые пальмы, гранатовые деревья, смоковницы, маслины, финиковые пальмы, лимонные деревья, строгие и надменные раины, кипарисы, тисы, самшиты, кусты махровых магнолий, благородного лавра, сладко пахнущих роз и греческой сирени; на многочисленных террасах, кроме того, возвышались огромные вазы, в которых росли разноцветные цветы. Сад был устроен с большим вкусом и над ним потрудились немало садовников, чтобы вырастить на привезенной издалека земле такую красоту. Ирод Великий денег не жалел. Да и теперь его холили и лелеяли опытные, заботливые руки.

Не лишены были некоторой зелени и цветов садики при домах богатых фарисеев, саддукеев и знатных горожан. Все это, конечно, росло не на Иерусалимской земле, а было высажено в вазонах, которые вкапывали в землю.

Центральные улицы и площади были выложены не грубым серым булыжником, как бедные кварталы, а хорошо обработанным цветным камнем. Ирод Великий приложил немало усилий, чтобы украсить великий город. Был перестроен не только его дворец, расположенный у западной стены города, но и перестроен Храм, находящийся к северо-востоку от дворца на горе Мориа, у Золотых ворот, а также построено, вернее, выдолблено в огромных обломках скал немало украшенных рельефами гробниц за стенами города. Все это было построено и перестроено из дорожных материалов с некоторым сохранением иудейского грубоватого стиля в сочетании с элементами изящного греческого стиля. Это соединение двух стилей, иногда безвкусное, было тяжело и неприятно и для греков, обладавших обостренным чувством прекрасного, и для патриотов-иудеев, которые были менее чувствительны к красоте, но которые очень трепетно и ревниво относились ко всему исконно иудейскому, и для римлян, уже немного привыкших радовать свой глаз греческой красотой. Но все же заново перестроенный и еще незавершенный Храм с многочисленными двориками и портиками, сверкающий белизной паросского мрамора, с сияющей золотом чешуйчатой крышей, был по размерам своим грандиознее любого сооружения в Риме, и это тоже было неприятно римлянам.

На севере серо-черным призраком возвышалась над городом страшная башня Антония, наполненная теперь римскими кентуриями. С нее был виден весь город со всеми дворцами, лачугами, подворьями, площадями, базарами, купальнями и окрестность его. Римские караулы денно и ночью вели с нее наблюдения за тем, что происходило и в каменном городе, и на двориках Храма, и за стенами Иерусалима.

Северные и восточные ворота выводили из душного города в Гефсиманию. К северу тянулся огромный Гефсиманский сад с заброшенным маслиничным имением, а на востоке

на другом берегу Кедронского потока высилась Елеонская гора. В Гефсиманском саду росли преимущественно (были еще и смоковницы) непривередливые к почве «раскоряки» – оливковые деревья. Точно сотни уродцев сошлись сюда когда-то, подняли множество длинных и корявых рук своих и так одеревенели, где кто стал, – таков был сад Гефсиманский. И это было чуть ли не единственное место в окрестностях Иерусалима, где можно было вдохнуть чистого, напоенного запахами трав и цветов, а не отравленного пылью и камнем, воздуха, где можно было отдохнуть в прохладной тени маслин и редких смоковниц, где слышалось тихое журчание освежающего потока. В основном же долины вблизи города были безводны и безжалостно сожжены солнцем. Такова была и расположенная на западе от Иерусалима большая долина Еннома, на которую с севера грозно глядела имеющая сходство с человеческим черепом гора Голгофа, ставшая местом публичных казней, на подобие Сессорского поля [Место казней в окрестностях Рима. – В.Б.] за Эсквилинскими воротами Рима.

В предпраздничные дни Иерусалим, насчитывающий чуть меньше миллиона жителей, принимал иногда до двух-трех миллионов паломников, стекавшихся сюда из всей Иудеи, а также Идумеи, Переи, Галилеи, Батанеи, Гавлонитиды, Десятиградия. Улицы, площади, переулки были заполнены народом, животными, товарными лотками; в городе был постоянный шум, слагавшийся из криков, разговоров людей, ржания и фырканья лошадей, блеяния овец, мычания волов и телят, игры музыкальных инструментов, песнопений, молитв, речей, споров и ссор. Римские патрули, которые в дни празднеств увеличивались, с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу и сердито кричали заезавшимся. Люди смеялись и обнимались, толпились и ругались, предлагали товар и отчаянно торговались. Праздники выливались и за пределы города: на Елеонской горе у двух могучих кедров, купавших вершины свои в глубокой синеве неба, устраивалась ярмарка. Но и в такие дни местом покойным, несуетным, где можно было прогуляться по дорожкам, отдохнуть от городского шума и послушать песни соловьев, был Гефсиманский сад.

По Иерихонской дороге Иисус, Его ученики, которых было уже числом восемьдесят один человек, женщины и мужчины, следовавшие за Иисусом, пришли к стенам Иерусалима. Было утро – солнечное, весеннее, теплое, яркое. Иисус долго стоял на небольшой площадке на Елеонской горе и смотрел на каменное скопление строений, обнесенных высокой толстой стеною, и буйную зелень Гефсимании у подножия горы. Наконец Он сказал Своим ученикам, которые были с Ним в ту минуту: «Идемте». Они спустились вниз по отлогому склону, где была узкая тропинка, петлявшая меж камней, перешли Кедронский поток, и по дороге меж гробниц вышли к Золотым воротам. Тут Иисуса и учеников Его немного задержала большая отара овец. Погонщики сердились, пихали и хлестали овец, так как те шли медленно, громко блеяли и стремились разбежаться. Иисус нахмурился, но ничего не сказал погонщикам и терпеливо ждал, когда можно будет войти в город. Нахмурился Он потому, что знал почему так беспокоились овцы. Этих овец гнали в Храм, чтобы их продать как жертвенных животных. Когда ворота стали свободными, Иисус вошел в город и осмотрел Храм, находящийся тут же, по правую руку. «Какая нелепая архитектура», – произнес Иисус вполголоса. С Ним было несколько учеников; другие ученики, а также женщины задержались на ярмарке на Елеонской горе и в гефсиманском селении Виффагии, чтобы приготовить все необходимое для пребывания в столице. Иисус, Петр, Иоанн, Иаков, Андрей, Матфей и Филипп вошли в Храм.

Храм был заполнен людьми. В первом дворике женщины стояли в специально отведенном для них месте, огороженном деревянным заборчиком, а мужчины толпились на свободном пространстве: они слушали какого-то оратора, который кричал что-то сердито в толпу, размахивая сжатым в правой руке свитком пергамента. Под большими арками было отведено место для торговых и меняльных лавок. Здесь всюду шла торговля, и торговцы и покупатели мало внимания обращали на оратора. Иисус и ученики Его прошли дальше и через другие дворики, где также выступали ораторы, прошли к месту у входа в Скинию собрания, где устроен

был золотой жертвенник. Иисус, взглянув на это место, побледнел. Плиты под жертвенником потемнели, были грязно-бурого цвета от проливаемой здесь крови. Золото жертвенника теперь было обрызгано свежей темной и ярко-красной кровью, стекавшей тонкими ручейками по стенкам. Ею же был обрызган и мраморный пол. В воздухе стоял тошнотворный запах пролитой крови. К жертвеннику стояла очередь, и при каждом из стоявших в ней было две-три овцы, козлята, тельцы или голуби в клетках. Люди надеялись омыть чужой кровью свои грехи или освятить ею свою радость. У животных глаза были влажные от слез, они беспокоились, кричали, порывались убежать, голуби тревожно бились в клетках. Служитель Храма в залитой кровью одежде и с большим ножом поджидал следующего. Мертвых животных с растерзанной шеей тут же подхватывали два-три служителя и куда-то уносили. Эти жертвы были ужасны: животному перерезали горло и выпускали всю кровь его из хрипящего и умирающего, наполняли чаши и относили их за завесу в святилище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.